

Нина Шадури-Зардалишвили – филолог, литературовед, журналист. Член Союза писателей Грузии. Заведующая литературной частью Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова. Член редколлегии журнала «Русский клуб». Окончила с отличием филологический факультет и аспирантуру Тбилисского государственного университета (ТГУ) имени Ив. Джавахишвили. В течение 15 лет работала диктором и корреспондентом Гостелерадиокомитета Грузии. Преподавала историю и теорию литературы в ТГУ. Автор статей по теории литературы.

Участник ряда международных научных конференций по русской филологии. Автор, соавтор, составитель, редактор более 20-ти художественных, научных и публицистических изданий.

Владимир Головин – поэт, журналист, призер VIII Всемирного поэтического фестиваля «Эмигрантская лира – 2016». Член Союза писателей Грузии, заместитель редактора журнала «Русский клуб». Работал в Грузинформ-ТАСС, «Общей газете» Егора Яковлева, газете Russian bazaar (США), различных изданиях Израиля и России. Член редколлегии и один из авторов книги репортажей «Стихия и люди: день за днем», получившей в 1986 году премию Союза журналистов Грузии. В 2006-2011 годах – главный редактор самой многотиражной русскоязычной газеты Грузии «Головинский проспект».

Автор поэтического сборника «По улице воспоминаний», книг «Головинский проспект» и «Завлекают в Сололаки стертые пороги», семи книг в серии «Русские Грузии». Стихи и переводы напечатаны в сборниках и альманахах «Иерусалимские страницы» (Израиль), «Музыка русского слова в Тбилиси», «На холмах Грузии», «Плеяда Южного Кавказа» и «Перекрестки» (Грузия), «Окна», «Путь дружбы», «Крестовый перевал» (Германия), «Эмигрантская лира» (Бельгия), «Кавказский экспресс» (Россия).

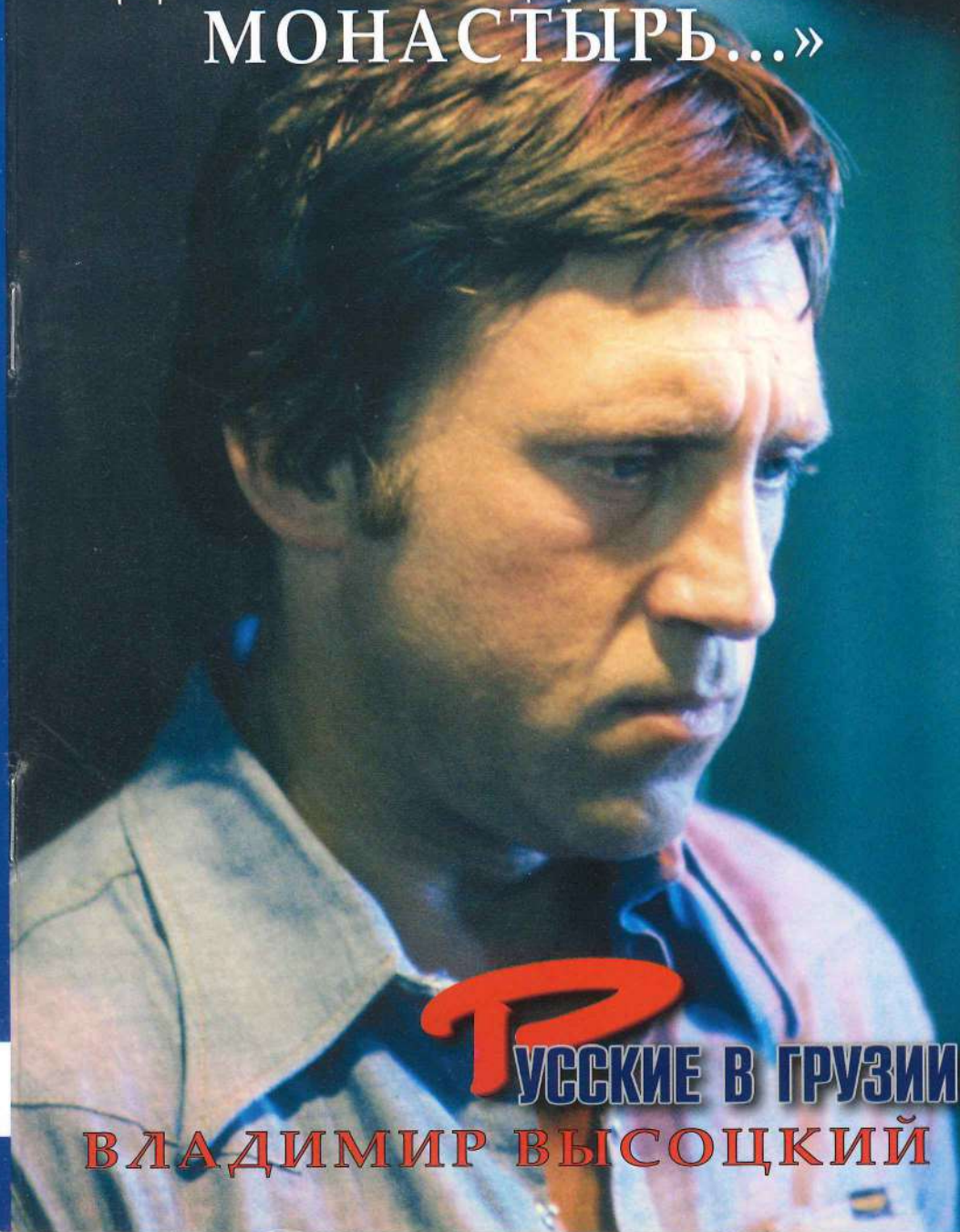

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

либрика

«КУРА В ТУМАННОЙ ДЫМКЕ И ДАЛЕКИЙ МОНАСТЫРЬ...»

РУССКИЕ В ГРУЗИИ
ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО
СОЮЗА «РУССКИЙ КЛУБ»

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

**«КУРА В ТУМАННОЙ
ДЫМКЕ И ДАЛЕКИЙ
МОНАСТЫРЬ...»**

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

Тбилиси
2018

**К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЛАДИМИРА ВЫСОЦКОГО**

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку – в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах реки Пресны заложена Грузинская слобода (в просторечье – «Грузины», ныне – Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой – в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские – опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» – первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель –

Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке

ООО «Издательство «Либрика»

Руководитель проекта –

НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

© Русский клуб. 2018

ISBN 978-9941-27-737-5

- Чего ты хочешь добиться в жизни?
- Чтобы помнили...

Из анкеты, заполненной
Владимиром Высоцким
28 июня 1970 года

Его запомнили. Как теперь совершенно ясно, запомнили навсегда. Он стал человеком-легендой при жизни. А после ухода моментально шагнул в бессмертие. Он был кумиром нескольких поколений, если угодно – нравственным, социальным, духовным ориентиром для одной шестой земного шара.

Записи его песен достать было трудно. Вот он – один из главных дефицитов того времени: песни Высоцкого. Но их все-таки доставали. И

звучали они почти в каждом доме. А может быть, и в каждом. Попасть на его концерт или на спектакль с его участием было, как слетать на Луну. Бывало, за билет на «Гамлета» предлагали ордер на квартиру...

Его имя не просто все знали – он вызывал жгучий интерес у каждого, был необходим, как свежий воздух. И это не преувеличение – с его песнями дышалось легче. И жизнь не казалась беспросветной.

Что Владимир Семенович значит

сейчас — и для тех, кто были его современниками, и для тех, кто пришел в этот мир после него? Лучшим ответом, пожалуй, будет история с проектом «Имя России». Его запустили в 2008 году: интернет-голосованием россияне выбирали великих деятелей своей страны. Долгое время первое-четвертое места занимали соответственно Иосиф Сталин, Владимир Высоцкий, Владимир Ленин и Николай II. Каково соседство, а? Получается, Высоцкого воспринимают не только как символ страны, но и как личность государственного масштаба и значения. (Кстати, спустя пару месяцев результаты аннулировали по причине, как было заявлено, хакерских атак, и голосование по выходу в финальный тур было начато заново).

В чем феномен Высоцкого? Этим вопросом не устают задаваться социологи, филологи, историки, фило-

софы... Ответ — не единственный, и каждый верен. О даре божьем не говорим — это само собой разумеется. Он волновал и разум, и душу. Как писал Юрий Карякин, «слушая Высоцкого, я, в сущности, впервые понял, что Орфей древнегреческий, играющий на струнах собственного сердца, — никакая не выдумка, а самая настоящая правда».

Он — символ справедливости. Он говорил правду. Он абсолютно самобытен, похож только на себя самого. Он поет как будто именно про тебя. А еще, и это самое главное, Высоцкий жил, пел, говорил так, как мечтал жить каждый — бесстрашно. У него получалось. У других не получалось. Он был такой один. После кончины актера и поэта кто-то оставил на его могиле надпись: «Он ходил по лезвию ножа, а я в кустах сидел, дрожа». Лучше не скажешь.

Грузия несколько раз символично прозвучала в судьбе Высоцкого. Он справил свадьбу с Мариной Влади в Тбилиси. В течение почти десяти лет, начиная с 1969-го, отправлялся с Мариной в круизы по Черному морю на теплоходах «Грузия», «Аджария», «Шота Руставели». Нередко приезжал в Грузию просто погостить у друзей — на улицах Барнова, Бахтрионской, Черкезишвили. С 1975 по 1980 годы жил в Москве по адресу: Малая Грузинская, дом 28, квартира 30. Наконец, на церемонии прощания с Высоцким в театре на Таганке был вывешен портрет работы известного тбилисского фотохудожника Александра Саакова.

В песнях Высоцкого грузинских мотивов, казалось бы, наперечет: «В Тбилиси — там все ясно, там тепло...», «Выпью — там такая чача...», «Мимо носа носят чачу, мимо рта — алычу...», «А у тебя самой-то, Зин, в семидесятом был грузин...», посвящение Михаилу Хергиани «К вершине»...

А вот в сценарии «Венские каникулы» (или «Каникулы после войны»), написанном в соавторстве с Эдуардом Володарским, грузинская тема прозвучала в полной мере: один из главных героев — именно грузин. Более того, произведение заканчивается пронзительным символом-метафорой: «Вахтанг медленно упал на колени, а потом на спину. И глаза смотрели в черное, звездное небо... И в ту предсмертную секунду он опять увидел Родину... Город в котловане, засыпанный огнями... А потом утро... Кура в туманной дымке и далекий монастырь на горной круче... Древний, могучий монастырь...». Эта роль предназначалась для Народного артиста СССР Отара

Мегвинетухуцеси, одного из грузин, с которыми Владимира Высоцкого связывали взаимные симпатия и уважение. Но не случилось...

Начиная с 1966 года, Высоцкий приезжал в Грузию не менее десяти раз. На сегодняшний день это доказано документально. Он бывал в Тбилиси, Батуми, Сухуми, Пицунда, Лидзава, Гагра, Местиа, Бакуриани, Ликани, Мцхета, Гудаута, возможно — в Боржоме. Здесь остались его друзья и знакомые, бережно хранящие в памяти каждую минуту общения. Остались зрители, которым посчастливилось видеть его в спектаклях театра на Таганке и на концертах. Здесь по-прежнему сильна любовь к Высоцкому. Жива привычка цитировать в разговоре любимые фразы из его песен. Проходят вечера памяти... Владимир Высоцкий — часть нашей жизни, судьбы. Не отрезок, нет. А прямая, уходящая в бесконечность.

В этой книжке мы расскажем когда и при каких обстоятельствах Владимир Высоцкий приезжал в Грузию, с кем встречался, где выступал. Мы постараемся исправить ошибки, которые, увы, на протяжении многих лет кочуют из публикации в публикацию.

А начнем мы повествование кратким обзором событий 1964-1965 годов. Что происходило в творческой жизни Высоцкого в год прихода в «Таганку» и на протяжении двух лет, которые предшествовали его первому приезду в Грузию?

Сцена из спектакля
«Добрый человек из Сезуана»

«ВЕСНА ЕЩЕ В НАЧАЛЕ, ЕЩЕ НЕ ЗАГУЛЯЛИ...»

В конце 1963 – начале 1964 годов в центральной советской прессе появились сразу несколько статей, восхваляющих спектакль «Добрый человек из Сезуана», который поставил Юрий Любимов со своими студентами – выпускниками Щукинского училища. Их авторами были – ни много ни мало – писатель Константин Симонов, театровед Борис Поюровский, критик Нико Лордкипанидзе, которые, словно сговорившись, указывали на необходимость того, чтобы мастер и его ученики не расставались.

18 февраля 1964 года в Моссовете был подписан приказ передать Ю. Любимову Московский театр драмы и комедии. Спустя полгода в штат теа-

тра был зачислен молодой актер Владимир Высоцкий. За него хлопотали Станислав Любшин и Таисия Додина – они и привели Высоцкого показаться Любимову. Сохранилась аудиозапись рассказа режиссера: «Он что-то почитал. Но так, что не поймешь – брать, не брать? Я ему говорю: «У вас гитара с собой, может, споете?» – «Спою». Спел. «Еще споете?» Он еще спел. «Еще?» Он еще спел. «Ну, и что же вы исполняете?» – «Свое». Свое! Я его сразу взял».

Но Высоцкий, представьте себе, возник в театре на Таганке раньше, чем явился туда лично: еще до Любимова там шел спектакль «Микрорайон» в постановке Петра Фоменко. И в спектакле звучала песня «Тот, кто раньше с нею был».

9 сентября 1964 года Высоцкого принимают на два месяца (по договору) во вспомогательный состав с окладом 75 рублей в месяц. Спустя десять дней он уже на сцене – подменил заболевшего актера в роли Второго Бога в брехтовском «Добром человеке из Сезуана». Через месяц с небольшим начинаются репетиции спектакля «Десять дней, которые потрясли мир». У Высоцкого – сразу несколько ролей. Кроме того, в роли анархиста он еще и поет куплеты «На Перовском, на базаре шум и тарарам». Это его певческий дебют на сцене. На первой репетиции присутствует Андрей Синявский, ставший одним из символов диссидентства в СССР. Он преподával Высоцкому историю советской литературы в Школе-студии МХАТ. А в тот день подарил бывшему ученику свою новую книгу «Поэзия первых лет революции» с надписью: «Милому Володе – с любовью и уважением. 24.X.64. А. С.».

В 1965 году ведущий актер «Таганки» Николай Губенко поступает

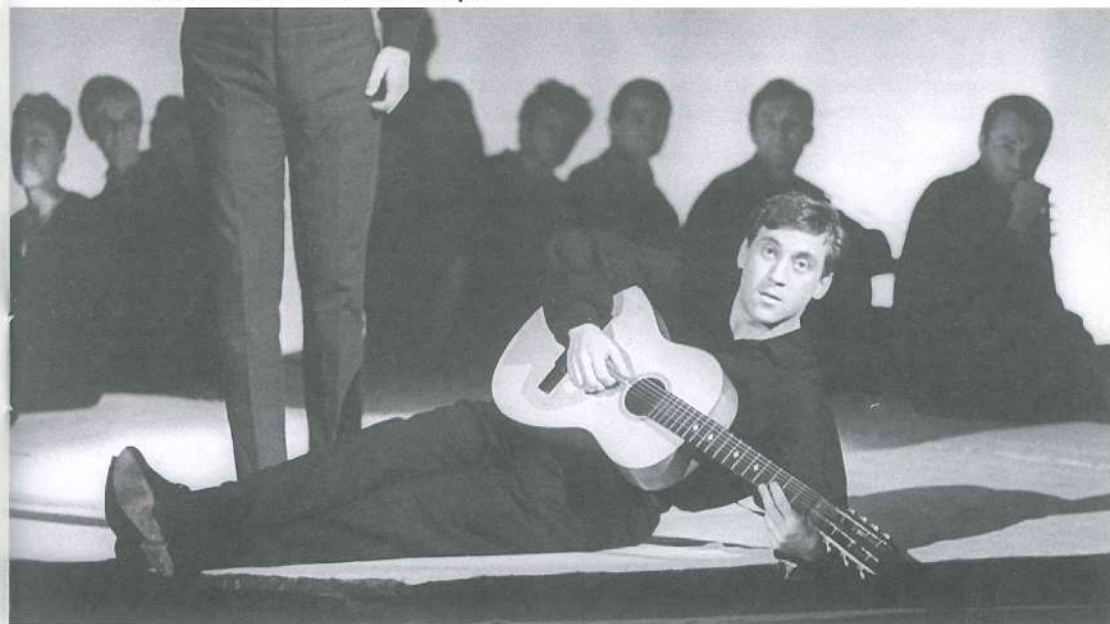
на режиссерский факультет ВГИКа. И хотя официально числится в штате театра до 1968 года, большая часть его ролей постепенно переходит к Высоцкому. За два года, предшествовавшие приезду «Таганки» в Тбилиси, в активе Высоцкого, помимо уже упомянутых, роли в спектакле «Герой нашего времени» М. Лермонтова, в поэтическом представлении по стихам А. Вознесенского «Антимиры», в спектакле по произведениям поэтов-участников Великой Отечественной «Павшие и живые».

17 мая 1966 года состоялась премьера «Жизни Галилея» Б. Брехта с Владимиром Высоцким в главной роли. «И вдруг я сыграл Галилея, – рассказывал артист в интервью Таллинскому телевидению в 1972 году. – Думаю, что это получилось не вдруг. Вероятно, режиссер долго

присматривался, могу я или нет. Мне кажется, что есть тому две причины. Для Любимова основным является даже не актерское дарование, хотя и актерское дарование тоже. Больше всего его интересует человеческая личность... Это моя очень серьезная и любимая роль – Галилей». Как он играл Галилея? Об этом пишет в своих дневниках Валерий Золотухин: «15.06.1966. Выпустили «Галилея». Вчера Высоцкий играл превосходно. 3-я, 8-я и 9-я картины – просто блеск... Высоцкий мыслит масштабно. Его темперамент оглушителен».

За эти же два года Высоцким написано около 65 песен. Из них три прозвучали в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир» («Войны и голодухи натерпелись мы всласть...», «В куски разлеталась корона...», «Всю Россию до границы...»). Две

Сцена из спектакля «Антимиры»

Сцена из спектакля «Десять дней, которые потрясли мир»

были написаны для спектакля «Павшие и живые» (в спектакль вошла одна — «Солдаты группы «Центр», вторая, «Мне этот бой не забыть ничем...», частично прозвучала в фильме «Я родом из детства»). Три песни впоследствии были использованы в спектакле «Последний парад» в московском театре Сатиры и театре имени Ленсовета в Ленинграде, три — в кинофильме «Последний жулик» на музыку Микаэла Таривердиева в исполнении Н. Губенко. Кстати, именно по просьбе этого композитора Высоцкий написал «Песню о старом доме» для дипломного спектакля курса под руководством Б. Покровского в ГИТИСе («Стоял тот дом всем жителям знакомый, его еще Наполеон застал...»). Эту же песню он отдаст и в фильм «Саша-Сашенька».

Для полноты картины — фрагмент письма Высоцкого Игорю Коханов-

скому, написанного в Тбилиси 29 июня 1966 г.: «Я плюнул на дурацкую щепетильность, и чтобы иметь возможность спокойно работать в театре и там уже что-то создавать, написал песни к трем фильмам, в двух из них сам снимаюсь: «Я родом из детства» — в Минске, скоро он выйдет, «Саша-Сашенька» — комедь, тоже в Минске, пока только идут съемки, и «Последний жулик» — комедь, в Риге, там играет Губенко. Это, правда, не «Тот, кто раньше с нею был», но и не гимны и дифирамбы — везде есть своя, высокая, червоточина, которую ты любишь и в которой весь смысл и смак. А потом — за это платят, не очень-очень, но можно не заботиться о том, что нечего жрать, не метаться по теле-студиям и так далее».

Из заметных работ в кино 1966 года — танкист Володя в картине Виктора Турова «Я родом из детства». В

июне в прокат вышел фильм «Стрелуха», к которому сам артист относился, скажем так, несерьезно. Хотя картина успешно прошла по большим экранам и заняла 10-е место в прокате — ее посмотрели 30 миллионов зрителей. Добавим, что в этом же году, уже после гастролей в Грузии, Высоцкий снялся в фильме Станислава Говорухина «Вертикаль» и у Киры Муратовой в «Коротких встречах».

Еще одно примечательное событие 1966 года: 5 апреля Высоцкий выступает в Политехническом музее в Москве в сборном концерте вместе с бардами М. Анчаровым, А. Городницким, Ю. Кукиным, Е. Клячкиным и другими. А примечательно оно тем, что Высоцкий никогда не причислял себя к бардовскому движению. Более того, сторонился его и отзывался без приязни.

В середине апреля 1966-го в Беларуси проходят последние съемочные дни картины «Я родом из детства». Именно там и произошел случай, в воспоминания о котором вкралась серьезная неправда. В одной из биографий Высоцкого читаем такую версию: «Высоцкий уселся в стороне от других участников съемки и начал что-то быстро записывать на развороте обложки книги. Раздался голос режиссера: «Высоцкий, на площадку!» Володя тут же поднимается, оставляя книгу на стуле. Кто-то из актеров присел на освободившийся стул, а книгу передал одному из находившихся рядом знакомых. Друзья решили подшутить над Высоцким и заодно проверить его реакцию на исчезновение книги. Возвращается Высоцкий. Первый вопрос к тому, кто сидит на стуле: «Где моя книга?» Тот молчит. Молчат и все остальные... Вид у Высоцкого такой, будто он хочет убить того, кто признается... Владимир еще раз обвел всех

взглядом и выскочил из павильона... Сегодня благодаря этому нелепому розыгрышу мы имеем автограф Высоцкого с набросками первого и второго вариантов «Песни о сентиментальном боксере».

На самом деле это был не розыгрыш. Книгу попросту украли. Спустя десятилетия в Музей Высоцкого пришел человек и передал ту самую книгу, которую его отец когда-то утащил со съемочной площадки и хранил в своем доме, как ценный трофей. А сын решил поступить честно.

Итак, в это время в театре и кино Высоцкий работает более чем интенсивно, пишет новые песни (35 за год!). А вот с публичными концертами в 1966-м он выступит всего лишь несколько раз — «сверху» поступило соответствующее негласное распоряжение. Дело в том, что в феврале в Московском областном суде состоялся процесс над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Их обвинили в создании и передаче для публикации за границей произведений, «порочащих советский государ-

Сцена из спектакля «Жизнь Галилея»

ственный и общественный строй» и осудили по печально знаменитой 70-й статье Уголовного кодекса РСФСР «Анτισоветская агитация и пропаганда». Высоцкий оказался косвенным образом замешан в этом деле — у Синявского нашли его записи. Кстати, в свое время писатель и его жена Мария Розанова специально купили магнитофон «Днепр», чтобы записывать устные рассказы и «блатные» песни третьекурсника Володи Высоцкого, которые Андрей Донатович очень любил и ценил.

В письме И. Кохановскому от 20 декабря 1965 г. Высоцкий пишет: «Помнишь, у меня был такой педагог — Синявский Андрей Донатович? С бородой, у него еще жена Маша. Так вот уже четыре месяца, как разговорами о нем живет вся Москва и вся заграница. Это — событие номер один... При обыске у него забрали все пленки с моими песнями и еще кое с чем похлеще — с рассказами и так далее. Пока никаких репрессий не последовало, и слежки за собой не замечаю, хотя — надежды не теряю».

На эти события Высоцкий откликнулся стихотворением «Вот и кончился процесс, не слышать овацию». И это, пожалуй, чуть ли не единственное произведение поэта с очевидным диссидентским настроением:

Посмотреть продукцию:
Что в ней там за трещина,
Контр- ли революция,
Анти- ли советчина?

Но сказали твердо: «Нет!
Чтоб ни грамма гласности!»
Сам все знает Комитет
Нашей безопасности.

И еще об одном событии, которое случилось в жизни Высоцкого в

На репетиции с Юрием Любимовым

1966 году. Оно не имеет отношения к Грузии, но не упомянуть о нем невозможно — очень уж значимое, знаковое. Однажды Любимов сообщил Высоцкому и Вениамину Смехову, что их приглашает к себе на ужин ни кто иной как Николай Эрдыман. «Эрдыман был заинтригован, — вспоминал Ю. Любимов, — и хотел познакомиться с Володей: «Юра, не сможете ли вы пригласить Володю в гости? Может быть, он споет мне, меня поражает, как он пишет свои песни! Я понимаю, как сочиняет Булат Окуджава, как пишет Саша Галич, но никак не пойму, как этот человек рождает такие необыкновенные словосочетания, такие необыкновенные обороты отыскивает, оригинальность оборотов речи». Обратите внимание, так говорил Эрдыман — мастер афоризма и каламбура, литератор с безупречным чувством стиля, фантастическим пониманием юмора и иронии.

«Высоцкого слушали долго, с явным нарастанием удивления и радости, — свидетельствовал В. Смехов. — С особым удовольствием принимали знаменитую стилизацию лагерного и дворового фольклора. Автор по просьбе хозяина дома бисировал: «Открою Кодекс на любой странице и

— не могу — читаю до конца». Видимо, Николай Эрдыман был первым из поэтов, кто принял Высоцкого безоговорочно — как равного себе». Об этом писал и литературовед Юрий Карякин: «Первый его понял и открыл самый старый среди нас, друзей театра, самый мудрый, гениальный человек — Николай Робертович Эрдыман. Он слушал-слушал его и однажды сказал пророческую фразу: «Этот мальчик скоро всех нас победит».

«В ТБИЛИСИ — ТАМ ВСЕ ЯСНО, ТАМ ТЕПЛО...»

Итак, 1966 год. В СССР, а в Грузии — в первую очередь, широко отмечается 800-летие Шота Руставели. В

Тбилиси открылось метро (четвертое в Советском Союзе после московского, питерского и киевского). Первый раз в Грузию на поезде «Москва — Тбилиси» прибывает Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев. Он награждает республику вторым орденом Ленина «за успехи, достигнутые в хозяйственном и культурном строительстве». А с 23 июня по 17 июля в Тбилиси, Сухуми, Гудаута и Гагра гастролирует театр на Таганке. Обращаем особое внимание читателей на этот факт: во всех источниках указано, что театр выступил только в первых двух городах — о других то ли забывают, то ли не знают.

Театру исполнилось два года, и в день своего рождения, 23 апреля, он отправился на свои первые гастроли — в Тулу. Хотите верьте, хотите нет, но там «Таганка» провалилась. Как вспоминал актер Анатолий Васильев, «это был не скандал, а просто провал. Мы вошли в зрительный зал все победителями (Ю.П. Любимов сделал в спектакле так, что мы шли через зал) и смотрим — мест что-то много пустых.

Это было для нас просто удивительно. У нас там, в Москве, нельзя взять билеты — убийство за ними, и вдруг здесь — пустые места. Второй спектакль был сыгран вместо трех часов пятнадцати минут за два часа десять минут. То есть мы так «лупили» текст потому, что в зале к концу спектакля осталось человек десять».

21 июня «Таганка» сыграла в Москве «Антимиры» и закрыла свой второй театральный сезон. Через два дня театр выехал в Грузию — на первые гастроли за пределами России. Вместе с труппой в поездку отправилась и Людмила Абрамова, вторая супруга Высоцкого, — говорят, опасалась последствий знаменитого грузинского гостеприимства для Владимира. Это ей спустя годы Вероника Долина посвятила песню «Была еще одна вдова...».

Нагретые солнцем кирпичные стены и деревянные балкончики, магнитофон «Айдас», включенный до упора, воздух, вибрирующий от мощного голоса: «Спасите наши души! Мы бредим от удущья...». На дворе то самое время, когда тбилисцы уже заслушиваются первыми песнями Высоцкого на шипящих магнитофонных бобинах. Но «вживую» послушать их автора

они могут лишь в спектаклях «Десять дней...», «Антимиры» и «Добрый человек...». Концертов у него нет за все время гастрелей. Правда, повезло сотрудникам республиканской газеты «Заря Востока» (к слову, в разные годы в ней сотрудничали Владимир Маяковский, Сергей Есенин и Исаак Бабель). Наверное, только в Грузии «печатный орган» Центрального комитета коммунистической партии мог без скидки на всевозможные иерархические условности пригласить к себе труппу, не очень вписывающуюся в рамки традиционного классического театра и «социалистического реализма». В первых числах июля Юрий Любимов и группа актеров приходят в гости в редакцию. Высоцкий поет несколько своих песен. (Воспоминания очевидца этой встречи В. Партугимова вы можете прочитать в заключительном разделе этой книги). Добавим, что актеры «Таганки» также были гостями редакций газет «Молодежь Грузии» (без Ю. Любимова) и «Вечерний Тбилиси» (без Высоцкого).

Первые впечатления от Грузии Высоцкий описывает 29 июня в письме Игорю Кохановскому. Ему он всегда писал в шутилой форме. Вот и на этот раз мы читаем: «Тбилиси, гости-

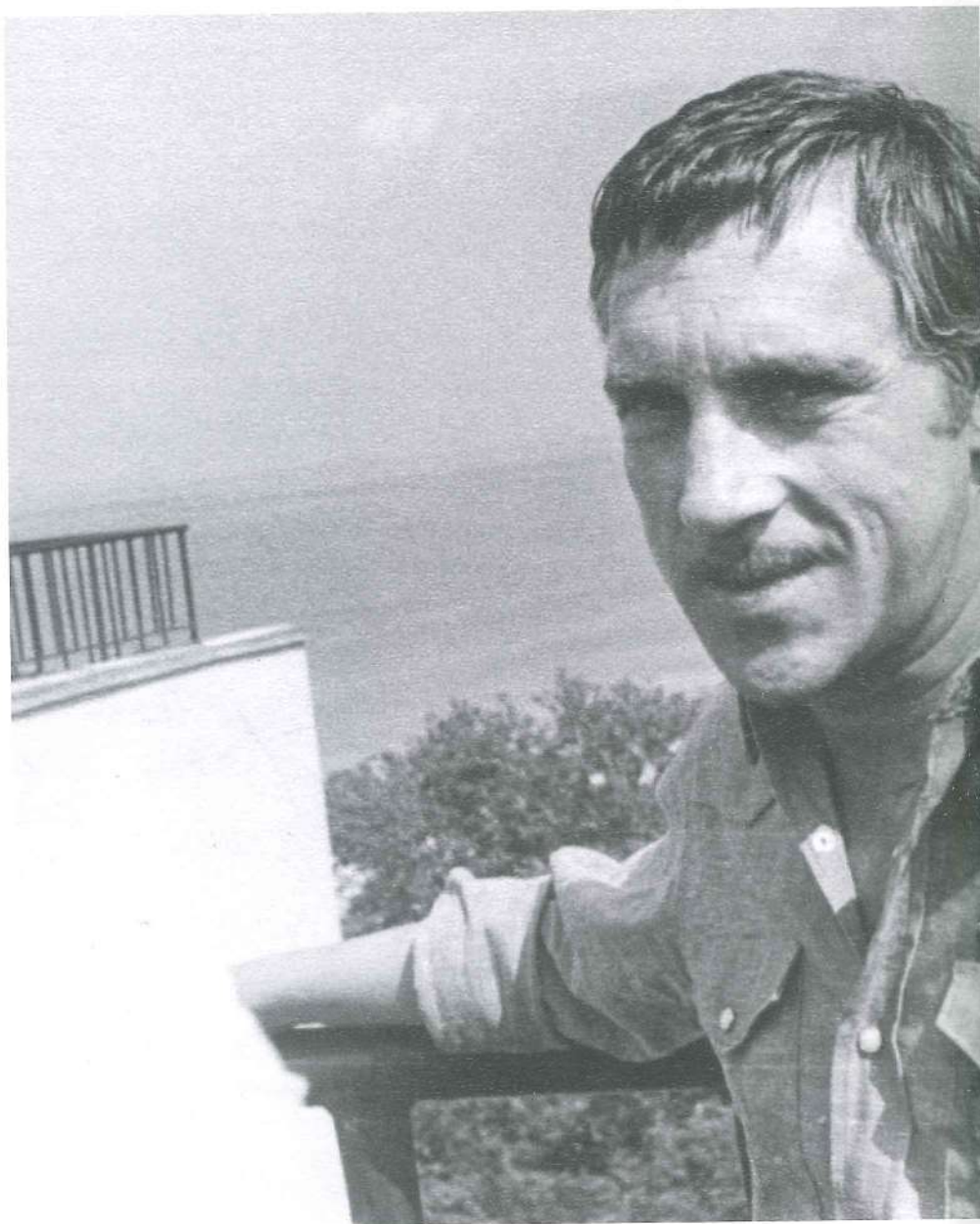
ница «Колхетия» — Анадырь Магаданской области. Дорогой Васечек! Я с театром на гастролях. Грузины купили нас на корню — мы и пикнуть не смей, никакой самостоятельности. Все рассказы и ужасы, что вот-де там споят, будет говорить тосты за маму, за тетю, за вождя, и так далее, — все это, увы, оправдалось! Жена моя Люся поехала со мной и тем самым избавила меня от грузинских тостов аллаверды, хотя я и сам бы при нынешнем моем состоянии и крепости духа устоял. Но — лучше уж подстраховаться, так она решила. А помимо этого, в первый раз в жизни выехали вместе. Остальных потихоньку спавают... Больше ничего плохого грузины нам не делают, правда, принимают прекрасно, и вообще народ добрый и веселый».

Воспоминания Людмилы Абрамовой носят более возвышенный характер: «В какой-то мере Тбилиси — это было открытие. Мы поняли, что это город высочайшей культуры. Я не побоясь сказать, что Володя был там просто счастлив... Мы довольно долго ездили по окрестностям Тбилиси. Тогда-то мы и открыли для себя и Тбилиси, и грузинскую культуру. К нашему стыду, мы с Володией думали, что все лучшее из Грузии учится в московских институтах».

Самым подробным образом описал эти дни Вениамин Смехов: «Сорокаградусной жарой встретил наш театр гостеприимный город Тбилиси. Двухгодовалое дитя «Таганка» было принято многоуважительно и по-грузински изысканно. Польщенные таким вниманием, мы стеснялись вспоминать про жару. Игнали на совесть, не щадя своих сил. Взамен получали поездки по древнему горному краю и чудесные встречи. Для развлечения — два момента. Первый. Встречали нас пышно. Кинокамеры и

интервьюеры давали повод думать, что нас перепутали с «кем-то западным». Впереди нас бежала молва. Газеты уже пестрели фотографиями из спектаклей — все обещало неслыханный успех. Открывались мы «10 днями, которые потрясли мир». И вдруг — в зале Театра музыкальной комедии — масса свободных мест. Хлопают вежливо, спектакль прошел так, словно они его сто раз подряд смотрят... Что такое? Разъяснение пришло через пару дней, когда зал был набит битком. Некий умный филолог все поставил на свои места: «Не удивляйтесь, слушайте! На первые дни все билеты, конечно, захватили

Тбилисская гостиница «Колхети»

наши тузы. Это такие дяди, которым самое главное — отметить, что он, мол, причастился к модному театру...» — «Хорошо, Резо, а почему же пустые места?» — «Ха, зачем напрягаться! Билеты достал, всем показал, на улице жарко, сел в машину, уехал на дачу — все! Я считаю, он молодец. Зачем ему в душном зале какой-то условный театр... Да в газете все прочитаешь! Не отходя от дачи! Впрочем, самые любопытные все-таки явились? Будем справедливыми, не все увезли за город ваши билеты».

Второй момент. Слово «друг» — святое слово, мы это знали. Но дееспособность его, оказывается, не имеет границ в прекрасной Грузии.

Как-то пятеро из нас случайно замечались в красивом месте в сорока км от Тбилиси. Спихнулись слишком поздно: через час начинается «Добрый человек из Сезуана». Грузины-хозяева пришпорили моторы своих четырехколесных коней... и вдруг — стоп! Шлагбаум перед нашим носом опускается, мы готовы зареветь от бессилия... Заранее были предупреждены, что меньше двадцати минут ждать не получится: подряд пройдут три-четыре состава в обе стороны. Вдруг водитель подбегает к стрелочнику, происходит таинственная перепалка на незнакомом языке, да еще с такими страстями и жестиком, что можно ожидать самого худшего. Водитель возвращается, шлагбаум медленно подымается, мы пулей проносимся на ту сторону и доезжаем до центра Тбилиси в зачарованном безмолвии. Узнав, что мы успели вовремя, затеребили водителя: «Что вы ему сказали?!» Следует разведение рук и удивленный подъем густых черных бровей: «Я сказал: «Это мои друзья!»

Через три дня мы играли в зале городской филармонии. Весь театр знал: после окончания нас повезут на дружескую встречу с театром имени Руставели. Это произойдет в тбилисских Черемушках, довольно далеко отсюда, в мастерской трех художников. И кое-кто из нас взял грех на душу — усомнился в успехе дела. Ну как можно ночью перевезти такую ораву? На всякий случай поглядывали за ограду: не подошли ли блестящим жестом штук двадцать такси? Нет, такси не было. Театр собрался во дворе. Руставелевцы выводят нас... к остановке автобуса. Боже, какое падение, рейсовый автобус. Человек десять пассажиров мирно читают газеты. Мы стоя трясемся. Все нормально. Наш тбилисский коллега

Бадри Кобахидзе перегибается к водителю, громко переговаривается с ним. Лучше сказать, перебранивается с ним. Лучше сказать, перебранивается с ним. Едем, едем. Остановились. Шофер поднялся, заглянул в салон и обратился к сидящим мирным жителям... Речь его была краткой, но резкой. Пассажиры сложили газеты и неожиданно спокойно вышли. Шофер развернул автобус, взревел мотор, и мы понеслись к цели уже «в собственном транспорте». Оказалось, что до сих пор вообще-то ехали в обратную сторону. Я не выдержал, спрашиваю Бадри: «Что ты ему сказал?» Следует разведение рук с одновременным подъемом бровей: «Это мои друзья», ничего другого не сказал». — «Хорошо, а шофер как же объяснил несчастным пассажирам?» — «Шофер? А что ему надо объяснять? Он встал и сказал, что вы — мои друзья. Вот и все. И они никакие не несчастные. И у них есть свои друзья, и им, бывает, надо помогать». Ах, прожить бы с таким паролем хоть год и у себя дома!»

Сухуми. Гостиница «Тбилиси»

Валерий Золотухин записывает в своем дневнике: «23.06.1966. Тбилиси. Самолетом. Грязный номер... Выступали на телевидении: Золотухин, Славина, Хмельницкий, Васильев, Высоцкий... Были в гостях в загородном доме... Высоцкий и Епифанцев чуть не утонули в Куре». О случае, упомянутом Золотухиным, спустя десятилетия рассказала Л. Абрамова на вечере памяти Георгия Епифанцева, актера МХАТа, в том году работавшего в «Таганке».

А на Куре дело было так. Любимов и несколько актеров отправились за город — в гости к драматургу Резо Табукашвили и актрисе Медее Джапаридзе. Дом стоял на берегу реки, во дворе был накрыт прекрасный грузинский стол. Высоцкого (а он в этот период вообще не пил) утомило долгое застолье. И они, на пару с Епифанцевым, решили... переплыть Куру. Переплыли. А вот на обратном пути пловцов начало уносить быстрым течением Куры. Каким-то чудом Епи-

фанцеву удалось и самому ухватиться за валун, и схватить Высоцкого.

Из Тбилиси «Таганка» отправилась в Сухуми, который, скажем откровенно, радужные тбилисские впечатления подпортил. Как вспоминала Людмила Абрамова, «сухумские гастролы — это усталость всей труппы и прескверное настроение — тоже у всех». Прежде всего — не очень теплый прием. Неважные условия и (позорный факт!) воровство в гостинице. В довершение картины молодые артисты даже не могли попасть в ресторан — до них никому не было дела.

«Собраться и поговорить по душам ни у кого никакого желания не было, — рассказывала Л. Абрамова, — жарко, душно, неприятно... Обокрали Буткеева, причем украли все — он приехал в Москву в чужих «вьетнамках»... И Володя для того, чтобы развлечь и утешить его, стал петь не «Борис Евсеев», а «Борис Буткеев», — так это и осталось в песне» (как вы понимаете, речь идет о той самой «Песне

Так начинался спектакль «Десять дней...»

о сентиментальном боксере», черновик которой был похищен на съемках в Беларуси).

Довольно подробно сухумские гастролы описал в своих дневниках В. Золотухин. (Тут надо обратить особое внимание, что в некоторых биографиях Высоцкого указывается: «сухумская» часть гастролей окончилась 10 июля. На самом деле это произошло 17-го числа. Поэтому Золотухин датирует свои записи 11 июля, пишет в настоящем времени и указывает, что они должны сыграть еще пять спектаклей):

«11 июля 1966. Сухуми. Гостиница «Тбилиси». Интурист... На следующий же день после гастролей нас выкинут из нее. Живем на северной стороне. Вся южная, выходящая на море, принадлежит иностранцам... Настроение убийственное. Осталось ровно половина. 5 спектаклей, из них два «Сезуана». Сегодня едем в Гагры. Гагры знаю по песне, когда я поступал, один черный с усиками лихо пел под гитару блатную и очень грустную песню про Гагры... Гагры связывались с Кейптауном, с тавернами, с публичными домами и почему-то с Мопассаном. О, город Гагры, там пальмы в Гаграх. И вот сегодня мы едем в Гагры... Работать будем в летнем театре. Попросил установить микрофоны, обещали сделать. Море чище, чем в Сухуми, и мельче галька. На юге первый раз... Кипарисы симпатичней, вернее, экзотичней на картинке, чем в натуре... еще магнолии... Огромные белые цветы чем-то схожие с лилиями. Лилии — магнолии, даже звучит одинаково. Спектакль в 9.30, будем играть после ужина курортников, закончим в 1.30... Обрато доехали за два часа».

А вот что вспоминает о пребывании в Сухуми В. Смехов: «Закончились гастролы в Сухуми, на берегу

Черного моря. Перед «10 днями» я стоял в солдатской форме с тремя другими актерами, отрывал «контроль» у билетов и накалывал на штык. По условиям гастролей, билеты здесь стоили вдвое дороже, чем на Таганской площади. Так обычно и бывает в поездках. Помню, зрители, пока им отрываешь «контроль», хвастанут: «А мы ведь тоже москвичи! Дома к вам не достанешь... Пришлось ехать на отдых сюда, платить за дорогу, платить за жилье, да и билеты подороже стоят... Спасибо еще, достали на все спектакли».

Теперь — о песнях. Именно в Грузии Высоцкий написал то, что составило его так называемый «фантастический» цикл: «Марш космических негодяев», «В далеком созвездии Тау Кита», «Каждому хочется малость погреться...» (вероятнее всего, эта песня также написана в Тбилиси).

Как известно, Владимир Семенович очень увлекался фантастикой, собирал соответствующую библиотеку. А вот что касается четвертой песни, написанной в Грузии, в Сухуми, то здесь мы встречаемся с разночтениями. Как мы помним, в Сухуми попасть в ресторан было невозможно. По словам Л. Абрамовой, столы внутри были накрыты, но московским артистам войти не разрешали, без обиняков разъясняя, что ожидается прибытие делегации (знали бы ресторانشки, кого они не впускают!). После Тбилиси, где все только и норовили зазвать таганковцев в гости, сухумское «гостеприимство» неприятно поразило. И Высоцкий написал новую песню:

А люди все роптали и роптали,
А люди справедливости хотят:
«Мы в очереди первыми стояли,
А те, кто сзади нас, уже едят».

Однако Людмила Гурченко была убеждена, что эта песня написана в Москве: «В то лето 1966 года Володя Высоцкий, Сева Абдулов и я с дочкой Машей оказались однажды в очереди ресторана «Узбекистан». Стояли мы бесконечно. Перед нами все проходили и проходили какие-то люди в черных костюмах. Это было время, когда после «Карнавальная ночи» меня уже на улицах не узнавали, а Володю еще не знали в лицо. Фильмы, фотографии его были впереди. Он вел себя спокойно. Я же нервничала, дергалась: «Ужас, а? Хамство! Правда, Володя? Мы стоим, а они уже, смотри! Вот интересно, кто они?» Потом мы ели во дворике «Узбекистана» разные вкусные блюда. И — только ели. Никогда в жизни я не видела Володю нетрезвым. Это для меня чужие рассказы... Через несколько дней Володя мне спел: «А люди все роптали и роптали».

«ВПЕРЕДИ СНОВА РАБОТА — ТРУДНАЯ, ЯРОСТНАЯ, ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ»

У тех гастролей «Таганки», как говорится, хорошая пресса. Понятно, что Владимира Семеновича, которому еще только предстоит стать не просто известным, а великим поэтом и певцом, газеты не очень выделяли среди других артистов. Но вот статья в газете «Молодежь Грузии» от 2 июля 1966 года целиком посвящена Высоцкому. Она называлась «Вы-

меня — дорога, дорога, дорога...». Действительно, театр на Таганке, подаривший тбилисскому зрителю спектакли огромного эмоционального накала «о времени и о себе», — всегда в поиске, всегда в дороге». Что ж, простим замечательному литературоведу и преподавателю Шароевой неточную цитату. Песня называется «Дорога» («Сто тысяч дорог позади...»), а соответствующая строка звучит так: «У нас просто адрес такой — дорога, дорога, дорога». Кстати, в некоторых источниках ошибочно указывается, что текст этой песни принадлежит Высоцкому. Нет, его автор — замечательный поэт Юрий Левитанский.

На гастроли «Таганки» откликнулись и другие грузинские газеты, некоторые — неоднократно.

«Вот уж, поистине, можно говорить о художественном единстве создателей спектакля. О том, что четкая динамичность и эмоциональность музыкальных купюр (композитор Н. Каретников) «сработали» в одном направлении с замыслом режиссера и художника, а тексты песен Б. Брехта, А. Блока, Ф. Тютчева, Д. Самойлова, Н. Мальцевой, В. Высоцкого плавно вливаются в общий постановочный ритм» (Этери Гугушвили, газета «Заря Востока», 28 июня, 1966).

«Успеху этой интересной, по-настоящему радующей постановки («Антимиры») способствовала великолепная работа балетмейстера Н. Авалиани, яркое, прекрасно сочетающееся с ритмикой стихов Вознесенского музыкальное оформление, принадлежащее актерам Б. Хмельницкому, А. Васильеву и В. Высоцкому. Трудно выделить кого-либо из исполнителей — в спектакле занята почти вся труппа театра, и успех его — это успех всего коллектива, открывшего широкой аудитории меридиан

С Ларисой Лужиной в кинофильме «Вертикаль»

поэзии Андрея Вознесенского, мир его образов, чувств и стремлений». (Владимир Панов, «Заря Востока», 30 июня 1966).

«Нам не приходилось еще видеть поэзии, так смело и так властно утвердившейся в театре. А в необходимости этого утверждения нас убедили умный и талантливый мастер Юрий Любимов и коллектив его единомышленников, его учеников и товарищей, неистовых, дерзких, фанатично влюбленных в театр. И трудно, выделяя имена В. Золотухина, В. Высоцкого, В. Смехова, М. Полицеймако, А. Черновой, Т. Додиной, Б. Хмельницкого, не назвать весь коллектив. Потому, что ансамблевость, сыгранность — характерные черты театра на Таганке. А еще — уверенность в своей правоте» (Ия Мухранели, «Молодежь Грузии», 2 июля 1966).

«О скольких фрагментах этого спектакля («Антимиры») можно говорить и говорить — о каждом! Любой из них — законченная, тонко сделанная миниатюра, новелла, притча. Сделанная не кем-то одним, а всеми вместе:

26 молодыми актерами и режиссером — их учителем и единомышленником, прекрасной работой балетмейстера и музыкальным оформлением, принадлежащим актерам Б. Хмельницкому, А. Васильеву, В. Высоцкому». (Юрий Герия, «Советская Абхазия», 13 июля, 1966).

«Владимир Высоцкий — выпускник студии МХАТ. Тем, кто видел «10 дней», запомнился его Керенский. Высоцкий — автор ряда текстов к «10 дням» и еще — композитор. Вместе со щукинцами Анатолием Васильевым и Борисом Хмельницким он создал музыкальное оформление поэтического представления «Антимиры» («Вечерний Тбилиси», 5 июля, 1966).

«Посмотрите, с каким воодушевлением танцует девушка в красном, с каким неиссякаемым энтузиазмом исполняют песни Б. Брехта, Д. Самойлова, Н. Мальцевой и др. ведущие — А. Васильев, Б. Хмельницкий, В. Высоцкий, Д. Щербаков. Или блестящий эпизод «Руки отцов города», исполненный Л. Буслаевым, А. Колокольниковым, Б. Голдаевым, В. Высоцким и др. Наконец, как остро разоблачающе высмеяны политический акробат Керенский (В. Высоцкий), по спинам обывателей, самодовольных буржуа пробирающийся к власти и лишенный всякой внешней устойчивости, но толкующий о незыблемости своего правительства, или Пьеро (В. Золотухин) с его мелодраматическим романсом «Я не знаю, кому и зачем это нужно...» (Татьяна Шароева, «Молодежь Грузии», 30 июня, 1966).

«Владимир Высоцкий не только талантливый актер, но и композитор и поэт. Песни его хорошо знакомы москвичам. Тбилисцы слышали его музыку в спектаклях «Десять дней, которые потрясли мир» и «Антимиры». На этот раз В. Высоцкий испол-

нил несколько своих песен, каждая из них — это небольшая новелла, несущая большую смысловую и эмоциональную нагрузку» (речь идет о визите таганковцев в редакцию газеты «Заря Востока») («Заря Востока», 7 июля, 1966).

Сейчас трудно сказать с определенностью, куда именно отправился Высоцкий по окончании гастролей в Грузии. По одной версии, 18 июля он вылетел из Сухуми в Одессу, на съемки фильма «Вертикаль». По другой, вернулся в Москву (причем один из именитых исследователей пишет, что это произошло после 10 июля, что невозможно по факту), спустя несколько дней вместе с семьей отправился в Минск на отдых, а уже потом — в Одессу. По третьей — на несколько дней остался с женой в Сухуми, а потом улетел в Одессу.

Так или иначе, но осенью 1966-го Владимир Семенович снова побывал в Грузии, а именно — в высокогорной Сванетии, в городке Мestia, где снимались некоторые эпизоды «Вертикали». Об этих днях вспоминала актриса Лариса Лузина, партнерша Высоцкого по фильму: «Нам был интересен весь период. Эти перевалы. Особенно, когда мы были в Сванетии. Маленький городок Мestia. Прекрасные времена! Помню, как жить там негде было. Жили на турбазе. Нас всех поместили в одну комнату. Я только помню, что мы жили на этой турбазе, и было страшно много мышей. Мы спали в одной комнате, а гитара же всегда была при Володе. Ночью раздается звон. Володя, что ли, проснулся, стал играть? Оказывается, мыши бегали по струнам... В Сванетии снимали все это застолье в картине. Там же Володя подружился с Бухути Закариадзе (выдающимся грузинским актером), именно с этой картины».

Скорее всего, по окончании съемок Высоцкий с Говорухиным провели два дня в Батуми. Затем артист возвращается в Москву, и там его ждет сюрприз — знакомство с Аркадием Стругацким. Слово — Людмиле Абрамовой: «Пока Володя был в Сванетии в 1966 году, я познакомилась с Аркадием Стругацким... Когда Володя вернулся, ему был сделан этот драгоценный подарок. Взаимное впечатление было, конечно, потрясающим. Особенно потому, что Володя еще в Тбилиси, в гостинице писал «В далеком созвездии Тау-Кита» и «Марш космических негодяев». Этими песнями он поверг Стругацких в состояние «неимоверного восторга», в особенности песней про Тау-Кита, потому что они в это время работали над «Улиткой» (имеется в виду роман «Улитка на склоне», первая часть которого была опубликована весной 1966 г. — прим. авт.). И Володя, и Аркадий очень гордились, что у них одновременно сработала мысль на эту тему».

А спустя несколько лет в уста главного героя повести «Гадкие лебеди» писателя Банева братья Стругацкие вкладывают песню Высоцкого «Сыт я по горло, до подбородка...» (слегка видоизмененную). Конечно, предварительно, спросив разрешения у ее автора.

«ЗАХОДИЛИ В ГАВАНИ, СЛЕВА ЛИ, СПРАВА ЛИ...»

Грузия прочно становится частью жизни Владимира Высоцкого с 1968 года. Он появляется здесь регулярно, в основном, на Черноморском побережье, совершая морские круизы. Повод для одного из приездов — съемки в картине «Плохой хороший человек» по повести А. Чехова «Дуэль». Тогда же он дает несколько

Выступление в круизе по Черному морю

В Пицунде

концертов (в Гагра и Сухуми). В иной год Высоцкий совершал и по два круиза на разных судах — «Аджария» и «Шота Руставели» (капитан А. Назаренко), а также на «Грузии» (капитан А. Гарагуля). Все три теплохода курсировали по маршруту Одесса-Батуми, останавливаясь на целый день в каждом порту, заходили, конечно, и в Сухуми.

«Два раза — в 1968 и 1969 годах Володя был на «Аджарии», — рассказывал Александр Назаренко в беседе с исследователем М. Цыбульским. — С 1970 года я был капитаном «Шота Руставели», и Володя каждый год приезжал туда. За год до смерти

уже не приехал, у него уже другая жизнь была... Я просил его, чтобы он два раза за рейс выступал перед пассажирами (чтобы никто не придирался, зачем он здесь), а в остальное время он отдыхал. И, конечно же, я старался избавить его от назойливого внимания. Потому что, сами понимаете, много было таких, которые лезли к нему с бутылкой лучшего коньяка и вопросом: «Ты меня уважаешь?». Каждое лето Володя плавал со мной... Ведь я давал ему возможность по-человечески отдохнуть. Он же не мог платить деньги за билет, да и достать билеты тогда на «Шота Руставели» было невозможно».

Остается сожалеть, что интервьюер не уточнил годы, когда Высоцкий плавал на теплоходе Назаренко, ведь из текста следует, что он отдыхал на «Шота Руставели» вплоть до 1979 года — к сожалению, документального подтверждения этому не существует.

Однако есть данные, что не менее регулярно Владимир Семенович путешествовал и на «Грузии». Так, в том же 1969 году, после проб в картины «Красная площадь» и «Один из нас», он с Мариной Влади отправился в шестидневный круиз именно на «Грузию», по маршруту Одесса-Ялта-Новороссийск-Сочи-Батуми. Точно известно, что на этом теплоходе они вдвоем плавали в 1973 и 1977 годах.

Высоцкий не просто путешествовал по Черному морю — он сочинял в дороге «морские» песни и посвящал их своим капитанам. На «Аджарии», в 1969 году, он написал «Человек за бортом», но посвятил ее капитану «Грузии» Анатолию Гарагуле. На «Шота Руставели» написана песня «Лошадей двадцать тысяч в машины зажаты...». На ее беловом автографе стоит посвящение: «Александру Назаренко и экипажу теплохода «Шота Руставели». Правда, на выступлении в Министерстве морского флота в 1972 году Высоцкий эту же песню предварил двойным посвящением: «Моим друзьям Александру Назаренко и Анатолию Гарагуле».

Анатолий Гарагуля, бывший военный летчик, считался одним из лучших капитанов Черноморского пароходства. Чтобы соответствовать названию своего судна, украинец Гарагуля при знакомстве обычно представлялся на грузинский манер: «Капитан теплохода «Грузия» Гарагулия». Тот теплоход был знаменит тем, что его каюты и салоны отличались необыкновенной роскошью, и именно по-

этому в 1956 году ему доверили доставку спортсменов из СССР и стран соцлагеря на XVI Олимпийские игры в Мельбурне. В 1975-м теплоход отправили на переплавку, и капитан А. Гарагуля получил под свое командование новое судно финской постройки под тем же названием.

В августе 1970 года Высоцкий побывал в Тбилиси. Горнолыжник А. Смирнов вспоминал: «На наших горнолыжных сборах [в Терсколе] были ребята из Бакуриани. Я не знаю их фамилий, а звали их Джамал (Джемал — прим. авт.) и Гурам... Мы загуляли ближе к концу сборов. Очнувшись утром, я увидел Высоцкого внизу в отъезжающей машине. Кажется, они увезли его в Грузию». Бывший курсант Тбилисского артиллерийского училища В. Кузнецов оставил такое свидетельство: «В конце августа 1970 года я из Москвы летел в столицу Грузии к началу занятий. Хорошо помню этот рейс, так как в самолете летел Высоцкий. Мое место в самолете было рядом с его. Но за весь рейс он так и ни разу практически не присел. Он ходил по салону, пел... Помню его голос, серый пиджак и желтую, светлую гитару. Необычайно веселый и жизнерадостный, он старался общаться со всеми и все с ним».

А в декабре 1970-го актер и поэт совершил еще одно путешествие в Грузию. Да не какое-нибудь — свадебное!

Бракосочетание в Москве.
1 декабря 1970 г.

«Я ВЕРЮ В НАШУ ОБЩУЮ ЗВЕЗДУ...»

В московском Дворце бракосочетаний Владимир Высоцкий и Марина Влади 1 декабря зарегистрировали свой брак, а через шесть дней дали совместный концерт в столичном

Союзе художников. Это факты, известные доподлинно. А вот дальше — сплошные вариации. 12 декабря (по другим данным — 13 декабря) справили свадьбу в доме на Котельнической набережной (по другим данным — на 2-ой Фрунзенской набережной; еще один вариант — на углу Садового кольца и Каретного ряда), где снимала квартиру Марина Влади (по другим данным — квартиру они снимали вместе с Высоцким; третья версия — квартиру им предоставила уехавшая подруга; четвертая, определенно ошибочная, но озвученная — свадьбу справляли в квартире кинорежиссера А. Митты). И отправились в Грузию, где им справил свадьбу Зураб Церетели. А потом, по воспоминаниям М. Влади, поехали в круиз на теплоходе «Грузия» (этот факт вызывает обоснованные сомнения). И наконец, необходимо развенчать красивую легенду о том, что в Тбилиси они обвенчались — увы, этого не было.

Но обо всем по порядку.

Церемонию бракосочетания описала сама Марина Влади: «Молодой человек, встречающий нас у входа, весь взмок. Впрочем, мы тоже. Как и во всех московских учреждениях, во Дворце бракосочетания слишком сильно топят. Мы оба в водолазках, ты — в голубой, я — в бежевой. Мы уже сняли пальто, шарфы, шапки, еще немного — и разденемся догола. Но торжественный тон работника ЗАГСа заставляет нас немного уюмониться. Мы стараемся вести себя соответственно случаю, но все-таки все принимает комический оборот. День и час церемонии были назначены несколько дней назад. Мы немного удивлены той поспешностью, с какой нам было позволено пожениться. Наши свидетели — Макс Леон и Сева Абдулов — должны были бросить в

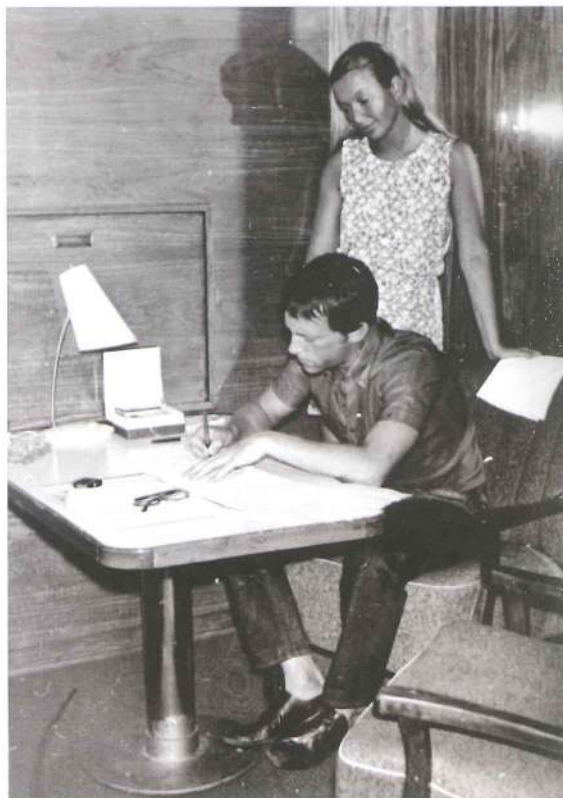

этот день все свои дела...

Тебе удастся упрямить полную даму, которая должна нас расписывать, сделать это не в большом зале с цветами, музыкой и фотографом, а в ее кабинете. Нам бы и в голову не пришло, что именно заставило ее согласиться! Она это сделала вовсе не из-за нашей известности, не потому, что я — иностранка, не потому, что мы хотели пожениться в узком кругу друзей. Нет! Что возобладало, так это — неприличие ситуации: у нас обоих это третий брак, у нас пятеро детей на двоих! Пресвятой пуританизм, ты спасаешь нас от свадебного марша! А если не будет церемонии, можно и не напрягаться... В конце концов, мы так и остаемся в

надетых с утра водолазках.

Ты уехал рано, тебе во что бы то ни стало хотелось устроить мне какой-нибудь сюрприз. Для этого тебе пришлось убедить Любимова отменить несколько спектаклей в театре. Ты возвращаешься с довольным видом и, хлопая себя по карману, шепчешь: «Порядок». Шофер такси, который везет нас во Дворец, желает нам всего, что только можно пожелать. Он без конца оборачивается к нам, чтобы еще раз сказать, как он счастлив, что это — лучший день в его жизни, а также, конечно, и в нашей. При этом

он едва не сталкивается со встречной машиной, и я чувствую, что этот день может стать и последним днем нашей жизни. Я кричу, резкий поворот руля нас спасает, мы стукаемся головами о крышу машины — и вот уже в полубезумном состоянии мы пускаемся по коридорам вслед за молодым человеком, который ждал нас у входа. Для него это тоже счастливый день в его жизни, он заикается, вытирает лоб сиреневым платочком, в десятый раз повторяет: «Вы не можете себе представить...» Он, кстати, так и не сказал, что именно мы не можем

себе представить. После прогулки по подвалам, полным труб и странных запахов, мы подходим наконец к двери кабинета. Там нас ждут Макс и Сева, тоже несколько расстерянные. Мы обнимаемся.

Каждый раз, когда протокол не соблюдается буквально, все смещается и доходит до абсурда. Мы стоим перед закрытой дверью, вдалеке беспрерывным потоком льются приглушенные звуки свадебного марша, до нас доносятся смех, аплодисменты, затем — сакраментальное: «Улыбнись!» И мы насчитываем, таким обра-

зом, уже шесть свадеб.

Один из служащих, бледный и накрахмаленный, открывает перед нами дверь. Для него это не самый прекрасный день в его жизни — обычный день, похожий на все другие. Он насколько не удивлен, что ему придется вести по этому торжественному зданию, покрытому позолотой и красными коврами, четверых хохочущих людей. Он не узнает ни тебя, ни меня, никого. Он лишь выполняет определенную операцию на конвейере бракосочетаний.

Наконец, мы вчетвером рассаживаемся в двух креслах напротив вспотевшей дамы. На фотографии, которую сделал Макс, мы с тобой похожи на старательных студентов, слушающих серьезную лекцию, только ты сидишь на ручке кресла, и у нас слишком лицемерный вид. На нашу свадьбу получено добро, от которого, как известно, добра не ищут, и после «поздравительной речи» мы чуть было сами не уходим подобру-поздорову:

— Шесть браков, пятеро детей, к тому же — мальчиков! (Очевидно, по мнению этой дамы, с девочками дело обстояло бы проще.) Уверены ли вы в своем чувстве? Отдаете ли вы себе отчет в серьезности такого шага? Я надеюсь, что на этот раз вы все хорошенько обдумали... Мне и смешно и плакать хочется. Но я вижу, что ты вот-вот сорвешься, и потому держусь. Мы быстро расписываемся против галочки, и уже через несколько минут все кончено. Ты держишь свидетельство о браке, как только что купленный билет в театр, вытянув руку над толпой. Мы выходим, обнявшись, среди невест в белом тюле под звуки неутомимого марша. Мы женаты. Ты наконец спокоен».

Однако вернемся к «московской»

свадьбе. Всеволод Абдулов рассказывал: «В 1970 году они расписались в каком-то Дворце бракосочетаний. Свидетелями были Макс Леон и я. После регистрации поехали в тот самый «первый дом от угла» — дом на углу Садового и Каретного ряда, где жил Жора Епифанцев. Так вот в этом самом доме они сняли двухкомнатную квартиру с окнами на Садовое кольцо... Свадьба была странная. Мы тогда были бедные, с деньгами и работой — проблемы, поэтому обошлись без цветов и нарядов. Володя и Марина явились в водолазках. Чтобы не привлекать внимания, Высоцкий попросил работницу загса расписать их не в большом зале с цветами, музыкой и фотографом, а в ее кабинете».

Один из исследователей описывает этот день иначе: «Свадьба Высоцкого и Влади состоялась в субботу, 12 декабря, в малогабаритной однокомнатной квартирке на Котельнической набережной (ее снимала Марина Влади). Поскольку небольшая площадь квартиры не позволяла собрать большое количество гостей, пришли самые доверенные лица: свидетели жениха и невесты Всеволод Абдулов и Макс Леон, режиссер Юрий Любимов с супругой Людмилой Целиковской, поэт Андрей Вознесенский с супругой Зоей Богуславской, кинорежиссер Александр Митта с супругой Лилей, художник Зураб Церетели».

Андрею Вознесенскому свадьба запомнилась по-другому: «В 70-м, после того как они зарегистрировались с Мариной Влади, Володя торжественно сказал: «Разрешите пригласить вас с Зоей на свадьбу, которая имеет честь состояться 13 января (!). Будет узкий круг. Мы решили позвать только самых близких». В их квартирке на 2-й Фрунзенской набережной, снятой накануне и за один день превращенной

Мариной в уютное жилище, кроме новобрачных, были только создатель театра на Таганке Юрий Петрович Любимов, Людмила Целиковская, кинорежиссер Александр Митта с женой Лилей, испекшей роскошный пирог, актер МХАТа Сева Абдулов, позже подъехал художник Зураб Церетели... Любимый сын «Таганки» был деликатен в жизни. Он мог бы заткнуть свадьбу на Манежной площади — все равно не хватило бы мест... Мы с Зурабом скинулись на несколько бутылок вина. Трудно представить, как небогаты мы были. Володя был удивительно тихим в тот день, ничего не пригубил».

Действительно, Зураб Церетели, вспоминая этот день, не раз повторял: «Денег ни у кого не нашлось — нищие мы были». Лилия Митта с этим не соглашалась: «Деньги?! Не было такой проблемы. Не знаю, зачем Зураб пустил эту байку и все ее повторяют. Мы, друзья Володи, вполне могли бы устроить ему пышную свадьбу. Хотя

бы и у нас дома, где в былые годы нередко собиралось человек по пятьдесят, и для меня накрыть шикарный стол не проблема, то есть, свадьбу не справляли в доме Митты. Собрать всех на огонек было тогда чуть ли не единственной радостью... Нет, мы в те годы уже не нуждались: книжки с моими рисунками выходили во многих странах, а потому была возможность отовариваться в «Березке». Муж мой снимал кино, получая вполне прилично. А Марина Влади? Уж она-то точно не была бедной! Просто ребята захотели свою свадьбу отпраздновать в своем гнезде, пусть и временном».

А затем Зураб Церетели увозит молодоженов праздновать свадьбу в Тбилиси. Как это было? Предлагаем читателям фрагменты из рассказов художника разных лет.

Первая версия: «Я его свадьбу с Мариной делал! Сначала Володя решил гулять в Москве, но денег ни у кого не нашлось — нищие мы были.

Зураб Церетели...

Марина снимала однокомнатную квартирку в доме на Котельнической набережной, туда и позвали Сашу Митту с женой, Зою Богуславскую с Андреем Вознесенским, Юрия Любимова, меня. Купили несколько бутылок шампанского, Лиля Митта яблочный пирог испекла... А настроения нет. Володя на диване лежал, на гитаре играл. А у меня такой характер: чувствую, будто моя вина, что праздник не состоялся. Тогда говорю: поехали в Тбилиси, там гулять будем! И сделали свадьбу. Грандиозную! Сказка! До шести утра песни пели, на бутылках танцевали, веселились. Правда, потом один эпизод случился: Марина случайно ударила ногой по столешнице, и вдруг огромный дубовый стол, заставленный посудой, бутылками, сложился вдвое, и все полетело на пол. На Кавказе есть примета: если на свадьбе потолок или стол начинают сыпаться, значит, у молодых жизнь не заладится. Я это понял, и все грузины вокруг поняли, но мы постара-

...и его «Владимир Высоцкий»

лись виду не показывать, продолжали гулять, будто ничего не случилось. Однако я уже знал: Марине и Володе вместе не жить».

Версия вторая: «У меня дома накрыли стол, моя жена вынесла по такому случаю фамильный сервиз из фарфора, очень красивый, и украсила им стол... До шести утра песни пели, на бутылках танцевали, веселились... Это действительно была уникальная свадьба и напоминала музыкально-поэтическое представление. Владимир Высоцкий пел, гости читали стихи Пушкина, Пастернака, Лермонтова, а грузины пели грузинские песни... Ког-

да грузины устали петь, встал Володя, взял гитару. Он потрясюще пел, я запомнил его позу и таким сделал... У меня в Багеби мастерская наверху. Сверху, с горы, хорошо виден Тбилиси. Так вот, утром я однажды увидел Марину на большом валуне, с золотым сиянием развевающихся во все стороны волос. А Володя присел на одно колено и с дикой страстью пел под гитару свои песни. И эхо разносило могучие раскаты его голоса. В деревне беспокоились собаки, и внизу маленькие черные фигурки людей, сняв головные уборы, с изумлением внимали доносившемуся словно с неба голосу».

Версия третья: «Я близко дружил с Володией Высоцким, мы часто встречались с ним в Доме кино в Москве, где собиралась творческая богема. Обычно сидели наверху в ресторане. Я оформлял Дом кино и очень любил это место.

Но свадьбу, не помню уж почему, отмечать там не стали. Когда Володя и Марина расписались, мы собрались дома у режиссера Саши Митты. Его супруга Лиля приготовила пирожки. Пришел Андрей Вознесенский. Скинулись. Купили две бутылки шампанского. Володя в это время лежал на диване и играл на гитаре. Было видно, что настроение у него не очень. Вроде и не свадьба совсем... А у меня есть противная черта: если вижу, что праздник не получается, чувствую себя виноватым. Что делать? Предложил: «Давайте полетим в Тбилиси. Там можно хорошо посидеть и нормально отпраздновать». Высоцкий закричал: «Ура!». И вскоре мы уехали в Грузию.

В мою тбилисскую квартиру пришло человек 25 близких друзей. Супруга поставила на стол бокалы из старинного хрусталя, фамильную ан-

дروниковскую посуду (жена Церетели Инесса принадлежала к княжескому роду Андроникашвили, ее не стало в 1998 г. — прим. авт.) и сыграли грандиозную свадьбу у меня дома. Гости играли на гитаре, пели песни. Марина была счастлива! Когда для застолья раздвигал стол, я его, наверное, плохо закрепил. От избытка чувств кто-то из гостей хлопнул кулаком по столу. Бах-бах — фамильная посуда летит на пол. А это очень плохая примета, когда на свадьбе бьется посуда. Значит, семейная жизнь не сложится.

Однако гулянье продолжилось. На следующий день — снова песни, застолье, тосты... Высоцкий взял гитару и вдруг... у него лопнула струна. Я этот образ с гитарой и разорванной струной запечатлел после в своей скульптуре. А тогда одна мысль в голове: ужас, какой ужас! Когда лопаются струны у музыканта — это тоже плохая примета. Мы с супругой переглянулись, но вида не показали.

Через несколько дней Марина и Володя переехали ко мне в мастерскую, что на холме в Тбилиси. До сих пор перед глазами такая картина. Стоит Марина, волосы и ее платье развеваются на ветру. Перед ней, стоя на колене, Володя с гитарой. Рядом с ними моя черная собака. Ветер разносит Володин голос. Внизу люди не могут понять, откуда несется звук. Как будто бы с небес. Вот так мы гуляли в Тбилиси две недели. Конечно, их повсюду гостеприимно встречали, много подарили подарков. Я до сих пор очень люблю Марину и Володю. Есть в моей копилке памяти очень личные воспоминания о них. Но рассказывать это преждевременно».

И, наконец, еще одна версия — откровенно рухнувшего стола, который, оказывается, мог упасть и не на свадьбе: «Это было в то время, когда

Ладо Гудиашвили в своей мастерской

Высоцкий только что познакомился с Мариной Влади. В один из моментов Марина стукнула по столу рукой, и он, этот громадный дубовый стол, рухнул, — видимо, плохо были приделаны ножки... Никто не обратил на это внимания, просто посмеялись. А у меня что-то закралось в душу: я понимал, что это плохая примета».

«ПИР ПРОДОЛЖАЕТСЯ, В ЗАЛЕ ШУМНО И ВЕСЕЛО»

Сама Марина писала, что стол рухнул из-за неловкого движения Высоцкого на праздновании в Тбилиси.

Обратимся к ее воспоминаниям:

«В старом Тбилиси мы празднуем наше бракосочетание, состоявшееся в Москве всего за полчаса. Здесь нам устраивают настоящую старинную свадьбу. Женщины в черном суетятся в большом зале. Все тончайшие блюда грузинской кухни стоят на столах в серебряных подносах. Здесь и душистые травы, расставленные букетами, и маринованный чеснок, и лобио, и сациви, во дворе жарят шашлыки — все благоухает.

Мы сидим в торце стола, оба в белом, и держимся за руки. Компания исключительно мужская. Женщины накрывают, подают и становятся поодаль, сложив руки на животе. Их красивые смуглые лица смягчаются улыбкой. Тамада поднимает первый тост:

— Пусть сколотят ваш гроб из досок, сделанных из того дуба, который мы сажаем сегодня, в день вашей свадьбы.

Каждому наливают вина в коровий рог. Стаканы из старинного хрусталя здесь только для воды. Рог вмещает четверть литра вина. Поскольку его нельзя поставить, надо пить до дна. Я подчиняюсь, ты же подносишь рог к губам и движением, которое будет повторяться в течение нескольких часов застолья, передаешь его рослому парню, стоящему позади тебя. Он выпивает вино и кладет рог на поднос, который ему протягивает пожилая женщина, обносящая гостей.

Второй тост следует за первым:

— Пусть ваши праправнуки не найдут ни одного билета, даже на черном рынке, чтобы попасть в театр на ваши спектакли!

Приносят роги побольше. Я стараюсь выпить все, но не могу и в свою очередь передаю вино молодому человеку, стоящему за мной. Гости же

пьют по традиции до дна, и никто не уходит из-за стола. Угощение роскошно, тосты бесконечны. Ты видишь, как много могут выпить люди и при этом не потерять достоинства. Мы подсчитали потом, что каждый из гостей выпил за вечер литров по десять вина. Наши ангелы-хранители стоят сзади, допивают за нами вино и не едят, вызывая в тебе удивление и восхищение. Когда к концу вечера ты неловким движением задеваешь стол, падает его выдвигная часть и разбивается дорогая посуда, мы просто не знаем, куда деваться от стыда. В ответ на наши смущенные извинения хозяин дома широким жестом смахивает на пол всю стоявшую перед ним посуду. Потом по-королевски дает распоряжение снова накрыть стол. Из кухни приносят мясо, дичь, пироги. Последние осколки в мгновение ока убираются молчаливыми ловкими женщинами.

Тамада говорит:

— Тем лучше, начнем сначала.

Пир продолжается. В зале шумно и весело...

Однажды утром мы гуляем по Тбилиси, и один из наших друзей показывает нам дом с высокими окнами: «Здесь живет художник Ладо Гудиашвили — друг Модильяни, Матисса, Делоне. В двадцатые годы он жил в Париже». Я говорю тебе, что мой отец, прозванный Владимиром Щедрым, наверняка был знаком с этим человеком. Принадлежит к тому же артистическому кругу, работая у Бурделя, он не мог его не знать. Ты предлагаешь позвонить в дверь, что мы и делаем. Нам открывает очень пожилая дама и спрашивает, что мы хотели. Я объясняю, она просит нас подождать, через несколько минут возвращается и говорит, чтобы мы приходили вечером после семи: «Ма-

эстро вас примет».

В назначенное время пожилая дама вводит нас в зал с высоким потолком и картинами на стенах. В центре — длинный стол со всякой едой, вином и цветами, приготовленный, кажется, для большого банкета. В глубине зала открывается дверь, и появляется человек с очень красивым лицом, седыми волосами, блестящими живыми глазами. Он идет к нам навстречу, раскрыв объятия:

— Я не мог умереть, так и не обняв дочь Владимира. Благодарение богу, вы пришли.

Он прижимает меня к груди с юношеской силой. Потом приглашает нас сесть рядом с ним и велит принести еще влажные фотографии, которые он только что отпечатал специально для меня. Дрожащими пальцами он показывает мне на первом плане двух молодых людей: они обнялись за плечи и улыбаются в объектив. Я узнаю отца и Ладо в окружении самых знаменитых художников.

Ладо Гудиашвили начинает рассказывать. Ты, как зачарованный, слушаешь его: костюмированные балы, кутежи по мастерским, нищие друзья, Модильяни, Сутин, множество иностранцев, которые все живут недалеко от бульвара Монпарнас и каждый вечер допоздна засиживаются в знаменитом ресторане «Куполь»...

По грузинскому обычаю застолье продолжается до поздней ночи, старая служанка стоит позади нас и наполняет стаканы и тарелки. В большом зале теперь темно, приносят керосиновые лампы, и их свет отражается в глазах. Ты говоришь о своей работе над Гамлетом, о переводе Пастернака. Ладо берет нас за руки и ведет в маленький салон. На пианино — большая фотография поэта в массивной серебряной раме,

на столе — письма, написанные его рукой, его книги, стихи и, в буфете за стеклом, — стаканчик с коньяком, накрытый блюдцем.

— Это последний стакан, который выпил Пастернак. Мы храним его и наполняем в память о нем со дня его смерти.

Художник провожает нас, снова долго обнимает меня на прощанье. Мне грустно. Я знаю, что никогда больше не увижу его. Я ухожу, прижимая к груди фотографию, где мой отец и он, молодые и красивые, улыбаются жизни».

Излишне комментировать эту красивую историю.

Но открытым остается вопрос, со-

**На теплоходе «Шота Руставели»
с Мариной Влади**

стоялось ли свадебное путешествие по Черному морю на теплоходе «Грузия» в декабре 1970 года?

Фрагмент книги Марины Влади, посвященный описанию этого круиза, вызывает смешанные чувства. Вот что она пишет, завершая описание дня регистрации брака в московском Дворце бракосочетаний: «Празднование отменяется — нет времени: мы едем в Одессу. Через несколько часов мы будем на борту теплохода «Грузия» — это и есть сюрприз. Настоящее свадебное путешествие на настоящем корабле. Без свадебного марша».

Здесь Марина Владимировна либо допускает неточность, либо сознательно прибегает к художественному вымыслу. Празднование, как мы уже знаем, не отменилось — оно было, и в этом нет ни малейших сомнений. А вот состоялся ли круиз?

«Какая «Грузия» в декабре!» — воскликнул Всеволод Абдулов, когда его спросили об этом. А Вероника Халимонова, жена Олега Халимонова, друга Высоцкого, старшего механика на танкерах «Морис Торез» и «Хулио Антонио Мелья», объясняет: «В декабре на юге дождливо и ветрено, никто обычно в круизы не ходит, их и по расписанию нет. Они, правда, могли приехать на теплоход просто в гости».

Можно предположить, что М. Влади соединила в своем повествовании два круиза на теплоходе «Грузия»: первое морское путешествие с Высоцким в 1969-м и поездку в 1973-м. Тем более что она пишет: «Под руку мы вновь спускаемся к порту (Сухуми — прим. авт.). Издали корабль выглядит еще красивее. Толя на мгновение останавливается, и его добрые глаза тускнеют. Он обнимает нас за плечи и говорит сдавленным голосом: — По-

смотрите на него хорошенько. Я ничего не сказал вам вчера вечером, но мой прекрасный корабль, моя красавица «Грузия» в своем последнем плавании. Как только мы вернемся в Одессу, корабль пойдет в переплавку. Из его чистой стали сделают миллионы лезвий для бритвы. Мы очень расстроились из-за Толи, да и из-за старой «Грузии», в которую влюбились, как и он. Мы молча продолжаем путь. — Ничего, в следующем году у нас будет новая «Грузия». Она будет еще красивее». Учитывая, что в 1975 году, действительно появилась новая «Грузия», этот разговор с капитаном мог состояться только в 1973-м, когда Влади с Высоцким приехали на отдых в Пицунду.

Но, с другой стороны, существует довод в пользу того, что свадебное путешествие на «Грузии» все-таки состоялось. Вот памятная надпись Анатолия Гарагуля на фото новой «Грузии», подаренной им Марине и Вла-

димире во время круиза 1977 года: «Марине, Володе — новую «Грузию» в память о «Грузии» старой, где в голубом супер-люксе они провели свой медовый месяц. Навечно любящий Вас Ваш Анатолий Гарагуля, капитан старой и новой «Грузии». 29 мая 1977 года. Порт Гагра».

Посчитал ли Гарагуля медовым месяцем первое морское путешествие Влади и Высоцкого в 1969 году, когда их отношения длились уже почти два года? Или назвал так поездку после официальной регистрации их брака? Вопрос остается открытым...

И в заключение — забавная деталь. Во время первого путешествия капитан Гарагуля был настолько очарован Мариной Влади, что от избытка чувств не придумал ничего лучше, чем подарить ей... небольшой бюст Ленина. Жаль, ни один фотограф не запечатлел лица кинозвезды в тот момент!

С Анатолием Папановым в кинофильме «Плохой хороший человек»

«ЗАПЛАТЫ ПЕННЫЕ ЛАТАЮТ РАЗОРВАННЫЕ ШВЫ ПЕСКА»

Проходит пара лет после свадьбы, и в 1972-м в Бзыбском ущелье близ Гагра снимается сцена дуэли в картине «Плохой хороший человек» Иосифа Хейфеца. У Высоцкого выдается свободное время, и он дает четыре концерта в гагринском Летнем театре. Во время съемок он живет в доме Григория Чепия (гостиницы были переполнены, и артисты жили на съемных квартирах), сын которого вспоминал, что «к самому театру было не пробиться, там зрители сидели даже на платанах, Высоцкого вносили туда на руках». Кстати, сам Чепия утверждал, что Высоцкий дал шесть концертов, а местная газета «Авангард» от 21 октября 1972 г. писала, что концертов было четыре. Думается, прав именно Чепия — скорее всего, газета указала количество официальных выступлений.

В тот же период Владимир Семенович выступил и в Сухуми — об этом вспоминала актриса Ирина Печерникова. Высоцкий и Печерникова прилетели в Адлер, оттуда поехали в Гагра и затем — в Сухуми, где актриса присутствовала на его концерте. Кстати, по свидетельству Евгения Татарского, помощника режиссера на картине «Плохой хороший человек», «на следующий день по всему побережью от Сочи до Сухуми уже продавались

гибкие пластинки с песнями Высоцкого из выступлений в Гаграх. Во всех ларьках гремели». От себя добавим: и Всесоюзная фирма грампластинок «Мелодия» нервно курит в стороне.

В августе 1973 года Высоцкий с Влади отдыхают в Доме творчества в Пицунде. Там же — Всеволод Абдулов и легендарный переводчик Хрущева и Брежнева Виктор Суходрев (они с Высоцким были знакомы по Большому Каретному) со своей супругой Ингой Окуневской, дочерью знаменитой актрисы Татьяны Окуневской.

Суходрев оставил подробные воспоминания об этом совместном отдыхе. И рассказал, в частности, как Высоцкий снова попал к Чепия. Дело в том, что у Суходрева приближалась годовщина свадьбы, и надо было достать хорошего вина. Дядя Гриша (как называли Чепия и Высоцкий, и Суходрев) презентовал им огромную бутыл, денег, конечно, не взял, но вынудил гостей задержаться, и они попали на большое застолье. «Кончилось это так, как и должно было кончиться, — пишет Суходрев, — Володя погрузил бутыл и нас с Севой в «Рено», и где-то под вечер (жены уже начали беспокоиться) мы вернулись домой. Володя поочередно извлек нас из машины — сначала Севу, потом меня, потом бутыл — и помог добраться до наших комнат».

«Был такой день: штормило, купаться нельзя, какая-то неопределенная погода — дождь вперемежку с солнцем, — вспоминает далее Виктор Михайлович. — Потом дождь прошел, и большинство отдыхающих вышли на берег полюбоваться бурным морем. На следующий день море стихло, и Володя за завтраком сказал: — Ребята, а я песню написал — про шторм. И прочитал нам ее. Именно прочитал, а не спел. Про этот самый шторм, где

он сравнивал волны с шеями лошадей, а потом переходил на себя: «Я тоже голову сломаю...». Это было вскоре после второго августа — после поездки к дяде Грише.

Тем же летом кто-то из местных любителей пообщаться с миром искусства устроил у себя дома, в Гаграх, большое застолье. Я не помню, кто нас туда пригласил, — все это было организовано чуть ли не через директрису Дома творчества. Хозяин был из местных жителей, — тогда в Гаграх было много достаточно богатых людей. Стол был накрыт у него во дворе. Там было человек тридцать гостей — из числа отдыхающих в нашем Доме творчества.

У меня осталось сильное подозрение, что это застолье было устроено именно затем, чтобы послушать песни Высоцкого. Но Володя пришел без гитары и наотрез отказался петь. Хозяева были готовы тут же отправиться за гитарой в Пицунду и даже дальше, но Володя сказал: «Нет — и все!».

Может быть, он не стал петь потому, что рядом были такие артисты, как Николай Крючков, который отдыхал в этом же Доме творчества... Отдыхал он своеобразно: в море не купался, совершенно не пил, — говорил, что за свою жизнь он уже выпил все полагающиеся ему цистерны, и единственное, чем он занимался, была рыбалка. Каждый день — с утра до обеда и после обеда — он только и делал, что ловил рыбу. Чаще всего — в море, куда ему регулярно подавали катер с погранзаставы. Пограничники просто обожали Крючкова, он столько переиграл за свою жизнь разных военных — солдат, сержантов, офицеров, — кого угодно, что все они его, естественно, боготворили. А еще неподалеку было озеро, где какая-то рыба водилась, и Крючков туда тоже ходил.

Рассказывает Виктор Суходрев

Как-то раз он позвал нас с собой: — Хотите поехать? Меня завтра приглашают порыбачить с пограничного катера, а вы там, пожалуйста, купайтесь.

И мы ездили с ним на погранзаставу, — это уже не Пицунда, а поселок Лидзава, расположенный южнее, следующий населенный пункт — «высотные» корпуса, потом идут три «хрущевские дачи», потом — дача Первого секретаря ЦК Грузии, а дальше — погранзастава. Нас было несколько человек. Помню, что пока Крючков ловил рыбу, Володя и Сева Абдулов купались, — прыгали с другого борта катера...

В очередной какой-то день, ничем не отличавшийся от других, Володя вдруг сказал:

— Ребята, я хочу вам попеть. Давайте вечером после ужина, когда все уйдут в кино, пойдем на пляж и там я вам попою.

Он сам это предложил, без каких-либо поползновений с нашей стороны. Мы с радостью согласились, собрались после ужина, Володя взял гитару, и мы отправились на пляж — в самый дальний его конец, под последний или предпоследний зонтик.

Тбилисский Дворец спорта

работы: как быть с шутками и пословицами, чтобы при переводе с одного языка на другой они сохраняли свое значение. Это действительно очень интересный момент в работе любого переводчика, и я наверняка ему рассказывал про знаменитую «кузькину мать» Хрущева».

Есть предположение, что Высоцкий побывал в еще одном грузинском городе – Боржоми. В интервью с российским тележурналистом экс-президент Грузии Михаил Саакашвили, будучи еще главой страны, рассказал: однажды, когда ему было семь лет, его дядя пригласил Высоцкого в гости в этот город. Было поздно, мальчика уложили спать, но он не уснул и всю ночь слушал, как поет Высоцкий.

«РЕБЯТА, ПОТОМ. Я ТОРОПЛЮСЬ»

Наступил год 1979-й. Один из самых напряженных в жизни Высоцкого.

В соавторстве с Эдуардом Володарским сделан сценарий фильма о Великой Отечественной.

Владимир Семенович завершает съемки в картине «Место встречи изменить нельзя».

Снимается в роли Дона Гуана в телефильме «Маленькие трагедии» Михаила Швейцера.

своих стихах, песнях, выступлениях в советских и зарубежных органах массовой информации... участвовать в рекламных кино- и фотосъемках...».

23 апреля Московский театр драмы и комедии на Таганке празднует свое 15-летие, а осенью триумфально гастролирует в Тбилиси.

У самих участников эти гастроли вызвали разные ощущения. Актер Дмитрий Межевич говорил, что «гастроли проходили на нервах, театр бурлил, Юрий Петрович периодически отъезжал, был кризис». А вот Владимиру Смехову они запомнились как «счастье»: «Вдруг взяли и отпустили «Мастера» на гастроли в Тбилиси. Осень, фрукты, великий город, страсти-мордасти с выбиванием дверей во Дворце профсоюзов. Первый секретарь республики едет на «Мастера». Трижды его заворачивают назад: «Извините, товарищ Шеварднадзе, зал не готов, за вашу безопасность не ручаемся». Целый час мы ждали на сцене сигнала к прологу. Так и не справились чекисты со своим народом. Публика в креслах и молодежь в проходах... Не то что вождю – яблоку негде... присесть. В Тбилиси – и счастье, и дружба, и юмор без предела. Везет меня шофер такси: «Куда? Туда-то? Ага, вы из Таганка-театра? Ага! Друг! Будь другом, достань билет! Какой-ни-любой! За любую цену – хочу эту увидеть... вашу «Маргаритку»! Где женщину с голой спиной даете, помоги, друг!» И в газете, в серьезной рецензии, много слов о сюжете, об успехе, вскользь обо всех актерах, а в конце – прорвало плотину чувств южного мужчины-критика: «О, как прекрасна эта Маргарита на сцене!» Сегодня голой спиной разве можно удивить? Сегодня табунами по сценам и экранам бегают голые ваханки, сотрясая прелестями все

В театре на Таганке проходит премьеры спектакля «Преступление и наказание» по Ф. Достоевскому, в котором он играет роль Свидригайлова.

А еще Высоцкий дает концерты: в США (Нью-Йорке, Бостоне, Нью-Джерси, Филадельфии, Лос-Анджелесе, Детройте и Чикаго), Канаде (Торонто), ФРГ (Кельн), Италии (Рим), в Москве, Киеве, Ярославле, Ижевске, Минске, Сочи, Тбилиси, а также в Узбекистане.

Новых песен за этот год – всего четыре. Интересно, что поводом для создания одной из них – «Через десять лет – все так же» стало подписание Высоцким договора с компанией «Аэрофлот». В тексте договора от 6 июля 1978 года читаем: «Автор обязуется... пропагандировать Аэрофлот в Советском Союзе и за рубежом в

твердыни театральных традиций бескрайней родины».

Высоцкий в этом спектакле не был занят: он просился на Воланда, а Любимов предложил ему роль Ивана Бездомного, от которой артист отказался. И все же расскажем о показательном, чисто тбилисском эпизоде, связанном с «Мастером и Маргаритой» в Тбилиси. 3 октября «Таганка» давала этот спектакль, и в то же время шла телевизионная трансляция футбольного матча на Кубок европейских чемпионов между тбилисским «Динамо» и «Ливерпулем». «У нас за кулисами все сидели, прикованные к телевизору, — вспоминал актер Михаил Лебедев. — И мы придумали очень интересную шутку: Витя наш, говоря текст роли, вдруг как комментатор вставлял: счет матча такой-то... Зал просто взрывался! И когда он объявил, что «Динамо» победило 3:0, — произошел просто обвал! Это было нечто».

В ответах на вопрос, когда именно Высоцкий прилетел в Тбилиси, биографы Высоцкого почти единодушны — 10 сентября. По одной версии, он приехал вместе с Золотухиным и Филатовым, чтобы начать серию концертов «В поисках жанра» в тбилисском Дворце спорта. По другой — приехал один, отдельно от всей труппы. Но в газете «Заря Востока» от 20 сентября 1979 г. был опубликован снимок: актеров «Таганки», прибывших в Тбилиси, сфотографировали сразу же по прибытии, у трапа самолета. В их числе — улыбающийся Владимир Высоцкий. Хотя до этого, с 14-го по 18 сентября (по другой версии — с 16-го по 19-е) в тбилисском Дворце спорта уже отгремели концерты «В поисках жанра». На сегодняшний день совершенно точно известно, что Высоцкий в период гастролей театра на Таганке улетал

из Тбилиси и снова прилетал, причем, не один, а несколько раз.

Отметим сразу же три серьезные неточности, давно кочующие из статьи в статью:

1) В концерте «В поисках жанра» принимал участие Дмитрий Межевич. Это не так. Выступали (последовательно) В. Золотухин, Л. Филатов, В. Высоцкий.

2) Представление состояло из двух отделений. Нет, оно шло около полутора часов без антракта.

3) И, наконец, Высоцкий участвовал только в двух гастрольных спектаклях — «Гамлет» и «Преступление и наказание». Авторы, заявляющие, что он выходил на тбилисскую сцену еще и в «Павших и живых», мягко говоря, ошибаются — этот спектакль даже не был заявлен в гастрольном репертуаре.

Как вспоминал Валерий Янклович, «в Тбилиси неожиданно выясняется, что зритель во Дворец спорта не идет. Все билеты на «Гамлета», на «Мастера и Маргариту» давно проданы, а на «Поиски жанра» — никаких аншлагов. Вместо десяти спектаклей, прошло всего пять. А вот на концертах — в институтах и других залах — битковые сборы. Это несколько приободрило Володю, а то он очень переживал... И только позже мы узнали, что тбилисцы вообще не любят ходить в свой Дворец спорта из-за плохой акустики». Подчеркиваем: одному из авторов этих строк повезло быть зрителем «Поисков жанра», и он со всей ответственностью свидетельствует: Дворец спорта был переполнен.

Что касается точного списка концертов, данных Высоцким в Тбилиси в те дни, то такового не существует — слишком велики разночтения как в датах, так и в местах проведения концертов. И не только среди исследова-

На сцене клуба «Строитель»

телей. Порой сами очевидцы утверждают совершенно противоположные вещи, видимо, несколько путаясь в своих воспоминаниях, что и неудивительно — минуло почти 40 лет.

Так что нам известно наверняка (или почти наверняка)?

С 15 по 19 сентября во Дворце спорта прошло пять спектаклей-концертов «В поисках жанра».

По одному концерту состоялось в

научно-исследовательском институте микроэлектроники «МИОН» и на заводе при этом же институте. Присутствовавший на них Н. Букия вспоминал: «Оба концерта прошли в один день. У нас там есть и НИИ, и завод. Завод заканчивал работу раньше, поэтому первый концерт был для заводчан, второй — для работников НИИ. Записи выступлений делал я и слушал выступление из радиорубки. В перерыве Высоцкий забежал к нам туда минут на пятнадцать. Весь взмокший, единственное сухое место — след на рубашке от гитары. Выпил целый графин воды. Народ, естественно, его уже ждал, закидал вопросами. Он говорит: «Ребята, потом, я тороплюсь». Уже на ходу я его спросил: «А можете исполнить на заказ?» — Он говорит: «Что именно?» — Я попросил: «Чужую колею». — Он сказал: «Ладно, будет» — и убежал».

Два концерта Высоцкий дал в ТбилЗНИИЭП (Тбилисском зональном научно-исследовательском институте экспериментального проектирования жилых и общественных зданий), точнее, для сотрудников института — в помещении кинотеатра «Строитель».

По одному концерту прошло в ТНИИСГЭИ (Тбилисском НИИ сооружений гидроэнергетики), в НИИ пищевой промышленности, «Кавги-протрансе» (Кавказском государственном институте проектирования транспортных сооружений), в Медицинском институте, НИИ стабильных изотопов. Факт проведения концерта в Институте физики им. Андроникашвили мы вынуждены считать не подтвердившимся: эту версию опровергают ныне здравствующие бывшие сотрудники института.

Кроме того, Высоцкий дал небольшой домашний концерт на квартире у

капитана милиции, следователя Алика (Александра) Степаняна.

В период с 12 сентября (по всей вероятности) по 14 сентября Высоцкий съездил в Пятигорск к друзьям, где дал интервью местному телевидению.

24 сентября, 29 сентября, 4 октября и 9 октября выходил на сцену Дворца профсоюзов в «Гамлете».

Спектакль «Преступление и наказание» был показан 26 сентября, 2, 5 и 11 октября. Один из авторов этих строк видел Высоцкого в этом спектакле 2 октября. Однако, поскольку Высоцкий играл в очередь с Михаилом Лебедевым, мы не беремся категорически утверждать, кто именно в остальные дни выходил на сцену в роли Свидригайлова. Хотя, скорее всего, все четыре спектакля сыграл Высоцкий.

Нагрузка огромная. Помимо всего перечисленного Высоцкий летает в Москву — на съемки картины «Маленькие трагедии» (по другой версии — на озвучание «Места встречи изменить нельзя»). И ни разу не позволяет себе схалтурить. О его отношении к любимым ролям можно судить по такому эпизоду. В Грузии — разгар «ртвели» (сбора винограда), в Тбилиси отмечают праздник осеннего сбора урожая (который позднее станет праздником Дня города и получит название «Тбилисоба»), и во время небольшой прогулки Высоцкому предлагают попробовать мацари — молодое вино. Он категорически отказывается даже пригубить: вечером — «Гамлет».

Конечно же, помимо сценических площадок, у него были встречи в тбилисских домах. Мы не нашли подтверждения растиражированному эпизоду с приглашением в дом Народной артистки СССР Верико

Анджапаридзе. Зато убедились, что Высоцкий мог откликнуться на приглашение просто посидеть за столом с незнакомыми людьми, если эти люди ему чем-то приглянулись. Но он мог и отказать во встрече — отказать жестко, резко, если приглашающие не пришли к нему по душе. Бывало и такое, и не раз.

Одна из самых ярких встреч — с Сергеем Параджановым. Поначалу режиссер пригласил весь театр в свой дом в переулке Котэ Месхи на склоне горы Мтацминда (Высоцкого в тот день в Тбилиси не было — прим. авт.). «Вино лилось рекой, песни струились, балконы ломились от фруктов», — вспоминал В. Смехов. Алла Демидова дважды (и по-разному) описала этот день. Приведем одно из воспоминаний: «Когда театр на Таганке осенью 1979 года приехал на гастроли в Тбилиси, Параджанов

С Сергеем Параджановым во Дворце профсоюзов

устроил для московских друзей поистине византийское пиршество. Но прежде Сергей Иосифович попросил соседей принять участие в создании своего необычного представления. И маленькая, круто взлетающая в гору, мощенная булыжником улочка имени Котэ Месхи была превращена в сцену с натуральными декорациями. С балконов свисали ковры, а цветы, рассыпанные по всей улице, вели прямо к дому Параджанова. Когда у ворот появились артисты во главе с Юрием Любимовым, разинувшие в изумлении рты, пораженные и онемевшие от увиденного, им навстречу выпорхнула очаровательная девушка с серебряным подносом, полным фруктов. У входа возвышались два пузатых самовара, один — с водкой, другой — с коньяком. Каждый приглашенный обязан был отведать рюмочку-другую из любого (на выбор) самовара и закусить. А Мастер действия любовался своими гостями с балкона второго этажа и блаженно улыбался».

Высоцкий встретился с Сергеем Параджановым после того, как режиссер принял у себя всю «Таганку».

Рассказывали, что Высоцкий появился в джинсовом костюме и рубашке с широко распахнутым воротом. На внушительной серебряной цепочке висел николаевский рубль. Параджанов немедленно заявил, что это дешевая побрякушка, снял рубль, а взамен вручил Высоцкому орден в виде звезды. Как он объяснил, это была высшая награда османской Турции. «Уж и не помню, откуда это у меня, но я думаю, что эта звезда заняла достойное место — на твоей груди», — сказал Параджанов.

На сегодняшний день мы можем смело утверждать, что у Высоцкого с Параджановым в этот период состоялась не одна встреча, а несколько.

В тбилисском аэропорту. 1979

Творцы доверяли друг другу, общение доставляло радость обоим. Свидетелем этих встреч был друг Сергея Параджанова Зеро Кипшидзе, который и подтвердил нам этот факт.

21 сентября 1979 года не очень жаловавший журналистов Владимир Семенович (это можно понять — сколько скандального о нем понаписали! — прим. авт.) поначалу не очень приветливо встречает пришедшего в номер гостиницы «Аджария» известного тбилисского фотомастера Александра Саакова: «Надоели репортеры». Но Сааков пообещал нестандартный снимок — в позе арестанта, на короточках. «Вы ведь заключенный

с вольным хождением», — сказал он Высоцкому. И убедил.

А через десять месяцев тысячи людей придут в театр на Таганке, чтобы попрощаться с Владимиром Высоцким. И над гробом будет висеть один из портретов именно этой тбилисской серии.

Картина пребывания Высоцкого в Тбилиси осенью 1979 года будет неполной, если мы не упомянем о печально известном «ижевском деле».

В 1978 году в Ижевске проходили большие концерты Аллы Пугачевой, Гвеннадия Хазанова, Валентины Толкуновой и Владимира Высоцкого. Как считало УБХСС, были допущены серьезные финансовые нарушения — так называемый «съем денег». То есть билетов продавалось большее количество, чем то, которое указывалось в отчетах. Все администраторы были арестованы, велось следствие. Главным по делу проходил администратор Василий Кондаков. В Тбилиси из Ижевска приехал молодой следователь Михаил Воробьев (впоследствии полковник, первый заместитель министра внутренних дел Удмуртии), чтобы допросить Высоцкого, Любимова и Янкловича (поскольку все поведки приехать в Ижевск на допрос игнорировались).

Конечно, Высоцкому не хотелось иметь никакого отношения к этому делу, даже в качестве свидетеля. Но более всего он переживал, что будут допрашивать и Любимова, который получил довольно солидную сумму за постановку спектакля «В поисках жанра» на сцене Дворца спорта в Ижевске.

Михаил Воробьев описал свое пребывание в Тбилиси: «Предстояло выяснить у Владимира Семеновича, получал ли он деньги от организаторов концертов помимо кассовых до-

кументов. Через два дня я уже был в Тбилиси. Местные товарищи определили мне помощника — следователя Алика Степаняна. Он увлекался творчеством барда и искренне обрадовался возможности лично увидеться с артистом, пусть и по долгу службы. Владимир Семенович вышел к нам сонный, укутанный в простыню и довольно вежливо объяснил, что накануне очень поздно лег спать, и попросил нас приехать к нему в обед. В назначенное время в номере он встретил нас вместе с главным администратором театра на Таганке Янкловичем. Мы очень душевно и продуктивно поговорили. Однако получение денег Высоцкий отрицал. Зато рассказал нам, что в ноябре 1979 года на экраны выйдет фильм с его участием «Место встречи изменить нельзя». Картина исполнитель роли Глеба Жеглова пророчил большую популярность.

Янклович на допросе вел себя менее уверенно. Мне пришлось написать ему повестку — приехать в Ижевск для проведения очных ставок. После этого Владимир Семенович подсказал мне, где я могу найти Юрия Любимова — главного режиссера театра на Таганке. При мне артист позвонил режиссеру, рассказал о моем приезде и договорился о встрече. Потом Высоцкий предложил нам вчетвером пообедать. Он, Янклович, Степанян и я съездили в ресторан: съели по порции хинкали, выпили по кружке пива. На следующий день мне нужно было увидеться с Любимовым. Режиссер вел себя в разговоре очень деликатно — никакой «звездности» я не заметил. На все вопросы отвечал подробно. Закончив допрос, я извинился перед Юрием Петровичем за настойчивость, и мы со Степаняном уехали в гостиницу.

Вечером мы посетили спектакль «Преступление и наказание». Другой возможности побывать на спектакле театра на Таганке у меня не было. Высоцкий играл Свидригайлова. Спектакль шел три часа с небольшим перерывом. После спектакля артист подошел к нам. Выглядел он очень уставшим и осунувшимся. Мы поблагодарили его за игру, попрощались. Вот такой была моя встреча с Владимиром Высоцким. Естественно, для меня это была часть работы — я даже не попросил у него автограф на память».

Высоцкого допрашивали 25 сентября в гостинице «Аджария». Вот небольшой фрагмент из его показаний: «Перед поездкой в Удмуртию со мной никакого разговора о выплате мне дополнительного вознаграждения не было. Мне зачитаны показания Абаева, где он говорит, что в Глазове он вместе с Янкловичем передал мне 5000 рублей. Я никаких денег от него не получал... Думаю, что он и другие обвиняемые по делу просто хотят облегчить свою участь, сыграть на моем имени, его популярности».

На прощание Воробьев показал Высоцкому фотографию переписки арестованных администраторов Шиманского и Абаева на стене тюремного прогулочного двора. Там было написано: «Вали все на Высоцкого. Он тебя вытащит».

Хотя следователь расстался с Высоцким, что называется, мирно, после этой встречи стало ясно: необходим знающий адвокат. И тут в Тбилиси неожиданно приехал Генрих Падва собственной персоной. «Я отдыхал на юге, — вспоминал Падва, — мы с приятелем путешествовали на машине. И по дороге заехали в Тбилиси. Едем, и вдруг я вижу афиши театра на Таганке. Это было, по-моему, днем — у не-

Сцена из спектакля «Преступление и наказание»

скольких актеров было выступление в каком-то Доме культуры. Я говорю: «Давай заедем!» В общем-то, я хотел увидеть Валеру Янкловича. Я с ним был ближе знаком, потому что он жил рядом со мной, в Большом Сухаревском, бывал у меня, и я бывал у него. Но и Володю тоже надеялся увидеть. Поднимаемся наверх, там большой длинный коридор. Я спрашиваю: «А где комната Высоцкого?» Мне отвечают: «Дальше по этому коридору». Иду, мне навстречу издалека идет какая-то пара. Иду, не очень обращая внимание. И вдруг слышу: «Ну, туда-растуда! Вот это да!» И Володя, вот так растопырив руки, идет ко мне: «Это же чудеса! Мы с Валерой идем и говорим: где бы нам найти Генриха — и вдруг ты!» — «А что такое?» — «Да

понимаешь, вчера прилетел следователь из Ижевска...»

И Володя начинает мне рассказывать про дело Василия Кондакова. Времени не было, и мы договорились, что я приду на вечерний спектакль. И весь этот спектакль мы с Валерием просидели в буфете, а Володя прибежал, как только не был занят на сцене. И идет разговор о том, что происходит и что можно сделать. Володя все это рассказывал очень взволнованно, на таком накале! Это был первый вечер, когда мы общались тепло и достаточно близко. Шел спектакль «Преступление и наказание». Володя был в костюме Свидригайлова, а я все время порывался: «Дайте, я хоть немного посмотрю спектакль!» — «Да ладно, ты всегда успеешь...» Вот так мы провели весь вечер. Короче говоря, они меня уговорили взять на себя защиту Кондакова...

Да, вот что меня еще поразило в Тбилиси... Володя, когда мне все это рассказывал, то очень беспокоился и за Кондакова, и за Любимова, и за Янкловича. В общем, я понял, что он больше озабочен судьбой других, чем своей собственной. Володя говорил, что все надо хорошо продумать, чем он сам может помочь, кто еще может вмешаться, что могу сделать я... Говорил очень заинтересованно, очень активно и очень, скажем так, альтруистически».

А вот со следователем Аликом Степаняном Владимир Семенович сблизился, свидетелем чему стал В. Янклович: «После нескольких допросов Степанян неожиданно пригласил Высоцкого и меня, поскольку мы с Высоцким жили в одном номере, к себе домой на ужин. Володя был очень напряжен, сказал, что придет, но не любит шумных компаний. Степанян пообещал, что никого больше

не будет. И сдержал слово: в его однокомнатной квартире в Тбилиси нас встретила молодая красивая армянка, стол был уже накрыт. Мы сели, и никто в этом доме ни разу не попросил Высоцкого спеть или что-то рассказать. Стол был замечательный, посидели уютно, по-домашнему. Если Высоцкий хотел что-то сказать, он говорил свободно и непринужденно. После этого вечера, когда Высоцкому надо было куда-то спрятаться, уйти от поклонников во время этих гастролей, он приходил к Степанянам, и его всегда радушно принимали. Он чувствовал себя в этом доме так, как будто никого в нем больше не было. Никто себя ему не навязывал, не задавал никаких вопросов...».

Как и 13 лет назад, грузинская пресса широко откликается на гастроли «Таганки».

«Гамлет на Таганке неожидан. У него нет ни шпаги, ни мантии, ни традиционного белого жабо. Зато есть в руках кинжал, гитара, детская прыгалка. Он обыденный и невзрачный... Гамлет Высоцкого входит в наш мир одержимо и властно. Он — борец. Поэзия и простота! Они совместимы. В спектакле Любимова эта совместимость воплотилась прежде всего в образе Гамлета — В. Высоцкого» (Этери Гугушвили, «Вечерний Тбилиси», 4 октября. 1979).

«Высоцкий не ставит вопроса — безумен его герой или прикидывается сумасшедшим. О каком безумии сильного, ясно сознающего себя и мир человека может идти речь!.. В первых картинах спектакля Гамлет Высоцкого представляется и злее, и много активнее в действиях, чем его драматический вариант — философа, мыслителя... Напряженный, как сильно сжатая пружина, собравший волю, чувства в кулак, Гамлет — Высоцкий

редко позволяет себе выплескивать вовне кипящую в его душе бурю. Гамлет Владимира Высоцкого — не только большой этап в многогранной творческой биографии актера, но и принципиально значительное сценическое явление» (Ирина Шелия, «Молодежь Грузии», 6 октября, 1979).

«Правда, хочется сказать, что та «трагическая напряженность любовной притчи», которая отмечалась в прессе в связи с «Гамлетом», скорее относится к тому спектаклю, которым он был несколько лет назад. Именно «напряженность» спектаклем в значительной степени утеряна. И если раньше В. Высоцкому — Гамлету в упрек можно было поставить чрезмерное нагнетание истерических интонаций, то сейчас его герой, пожалуй, чересчур спокоен» (Ираклий Химшиашвили, «Заря Востока», 20 октября, 1979).

«В галерее образов психологических двойников главных героев Достоевского образ Аркадия Свидригайлова занимает совершенно особое место, предвосхищая появление в более позднем творчестве писателя Версилова («Подросток») и Ставрогина («Бесы»). Именно с этих позиций, с позиций философского и психологического анализа подошли к раскрытию образа Свидригайлова и режиссер, и актер Владимир Высоцкий, продемонстрировавший в этой сложнейшей роли новые грани своего яркого таланта. Мудрый созерцатель, циник умом, но не сердцем, наделенный страстной «карамазовской» жаждой

жизни и добровольно ею распорядившийся, трезвый безбожник, влюбленный в Шиллера и терзаемый мистическими видениями, одновременно творящий добро и зло сполна, с одинаковой логической оправданностью того и другого — типичнейший герой Достоевского, один из самых дорогих писателю.

Ни в одной инсценировке, ни в одной экранизации Свидригайлову не отводилось того места и значения, которое принадлежит ему в романе и которое темпераментно, умно и психологически тонко сумел передать Владимир Высоцкий. Образ Свидригайлова в его исполнении, безусловно, один из самых удачных аспектов спектакля. Признаюсь, увидев гитару, неизменную спутницу Высоцкого, в руках Свидригайлова, я, наверно, как и многие другие зрители, в первую минуту несколько смутилась. Но в последней сцене с Раскольниковым песня так органически вписалась в монолог Свидригайлова, что после спектакля захотелось полистать роман — нет ли где забытой детали, упоминающей о склонности героя напевать порой?» (Ирина Шелия, «Молодежь Грузии», 9 октября, 1979).

«Однако в том, что при примате режиссуры коллектив является не только режиссерским театром, убеждают нас и другие значительные образы, созданные артистами театра. Это Свидригайлов В. Высоцкого — одно из наиболее ярких впечатлений от гастролей» (Ираклий Химшиашвили, «Заря Востока», 20 октября, 1979).

МЫ ЕГО ЗАПОМНИЛИ ТАКИМ

Смерть Высоцкого взорвала СССР. Закрытая на Олимпиаду Москва пришла попрощаться с Высоцким, наплевав на запреты, милицеские кордоны, официальные предупреждения и угрозы. По всей стране девятым валом неслись стихотворные посвящения — кто знал, тот помнит. Унять боль было нечем, и люди пытались облегчить свое горе в стихах — в большинстве своем неумелых, но исполненных такого отчаяния от потери, что каждая строка резала сердце в кровь.

А потом пошла волна мемуаров — знакомых, коллег, приятелей близких и не близких, вплоть до случайных попутчиков и прохожих. Лучшее всех об этом высказался в своих дневниках Валерий Золотухин: «31 августа 1980. Статья Демидовой («Таким запомнился» в «Советской России»). Много говорили о нем и мало думали. Теперь началась конкуренция у гроба. Кто скажет первый... Кто напишет скорее, кто вперед оправдывается». Тут нельзя не отметить, что Вениамин Смехов написал о Высоцком при жизни: в майском номере ленинградского журнала «Аврора» за 1980 г. были опубликованы его очерки о коллегах по Таганке «Мои товарищи артисты» — Высоцком, Славиной, Золотухине, Демидовой. «Приятно прочесть кое-что о себе, напечатанное не латинским шрифтом», — отзывался Высоцкий.

И вот что особенно примечательно. Людям, для которых Владимир Высоцкий был любимым артистом и поэтом, не надо было ничего переосмысливать. Для них он был велик. Таким он и остался. А вот у некоторых (как ни странно, это, в основном, ближний круг Высоцкого) глаза открылись только на похоронах. Тут-то они и прозрели...

Леонид Филатов признавался: «В Тбилиси мы разговаривали незадолго до его смерти. Он говорит: «Ну а что петь?» — перед очередным концертом советуясь с Валерой Золотухиным и со мной. Я отвечаю: «Мне нравятся все твои сатирические, смешные песни, масочные, социальные. А стилизации я бы пел во вторую очередь» — «Что именно?» — «Ну, вот «Кони привередливые»... Я ведь с ним — как живой с живым, с товарищем, с современником... А он так простодушно говорит: «Мне хочется иногда спеть такое...» — «Да, конечно, но в этом есть, как мне кажется, какой-то вычур». Но прошло менее года, Володи не стало, и когда была запущена на улице на полную мощь: «Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее...», я, в ту пору уже поживший человек, вдруг понял, что поэт, если он обладает еще свойствами пророка, случайного ничего не делает. Мы начинаем обсуждать художественные свойства, а это кусок его жизни, и тела, и души».

Отношение к Высоцкому в Грузии не менялось и не меняется. Каким его узнали, таким и полюбили. Каким полюбили, таким и запомнили.

Гоги КАВТАРАДЗЕ

— Мы познакомились, когда он еще не был той фигурой, которую мы знаем. Я точно могу назвать год нашего знакомства — 1963-й. Я тогда еще учился в институте, а он уже к

тому времени закончил, он был старше меня на два года. У нас была общая знакомая, Лиля Логинова. Потом она стала женой художника Бахтина, а тогда была не замужем. Вот у нее дома мы с Высоцким познакомились и начали дружить.

Потом мы, молодые актеры театра имени Руставели подружились с молодой «Таганкой».

Когда таганцы приехали на гастроли, мы устроили банкет. Но такой необычный. Вы представляете грузинский стол, нашу кухню... После спектакля каждый рад был пригласить к себе нескольких молодых актеров и угостить их на славу. Поэтому, когда мы им устроили банкет в мастерской наших художников, то поступили необычно — сделали им русский стол. Сварили картошку, купили селедку...

Следующей зимой, когда наш театр поехал на гастроли в Москву, то уже они нам сделали сюрприз — накрыли грузинский стол у себя в театре. И вот там Высоцкий спел для нас. Он всю душу там для нас выложил!

Однажды меня вызвал к себе министр культуры Грузии и спросил, как я смотрю на то, чтобы стать главным режиссером батумского театра. Я такому предложению очень обрадовался, отправился в Батуми и стал работать. Поставил там спектакль «Ревизор». Это было в 1969 году. Как-то я провожу репетицию, и вдруг мне говорят, что меня вызывает начальник Грузинского пароходства Качарава Анатолий Васильевич. Я не знал, зачем меня позвали, но приехал Качарава говорит: «У меня есть гость, который очень хочет с тобой познакомиться. Он очень любит твою картину

«Свадьба», где ты главную роль играешь». И тут входит Высоцкий. Он мне хотел сюрприз сделать, а Качарава воспринял это как правду. Мы обнялись, а Качарава недоволен был: «Что вы меня тут разыгрываете?!»

Высоцкий оказался в Батуми на теплоходе «Аджария». Это небольшой такой теплоход, капитаном которого был Александр Назаренко. Потом он стал капитаном большого судна «Шота Руставели». Высоцкий на несколько дней остался в Батуми, а потом, когда теплоход вернулся, Высоцкий на нем уплыл.

Мы ходили с ним ночью по Батуми, я показывал ему город. А потом пригласил в театр и показал поставленный мной спектакль «Ревизор». Тогда я считал, что мне удалось сделать новаторскую постановку. После спектакля мы обсудили его немного. Высоцкий мне ничего не сказал, но я понял, что ему это все не очень-то понравилось. Помню, он мне сказал такую фразу: «Если ты что-то делаешь, то делай это смелее. Не надо останавливаться на полпути». А потом мне пришла в голову мысль... Я ему сказал: «Я сделаю новую редакцию этого спектакля, если ты согласишься. Ты будешь играть Хлестакова и играть будешь по-русски, а все остальные будут играть по-грузински». Договорились, что когда он будет свободным, мы попробуем это сделать. Но не сложилось... Я повторяю вам — мы ходили по Батуми, в основном, ночью, вдвоем и обсуждали эту идею.

А потом была интересная история. Высоцкий уехал, а через некоторое время в одной компании, где я был, оказались молодые ребята из КГБ. Один из них как-то вызвал меня на разговор и сказал: «Да, это интересная идея», имея в виду идею постановки «Ревизора» с Высоцким. Я

говорю: «Да кто вам рассказал?!» Он говорит: «Ты думаешь, мы ничего не знали? Мы все знали, мы следили, но никому ничего не сказали». Вот так вот... Эти молодые ребята, оказываются, тоже любили Высоцкого...

С Высоцким, в общем, трудно было дружить. Он нелегко входил в дружеские отношения. Но если он считал тебя своим другом... Расскажу вам случай, который очень точно характеризует Высоцкого. Однажды я снимался на «Мосфильме». И вдруг случайно где-то в коридоре студии столкнулся с Высоцким. — «Здравствуй, — говорит. — Ты что тут делаешь?» — Снимаюсь, — говорю. — И сколько ты тут дней уже?» Я говорю: «Ну, уже дней пять». Высоцкий повернулся и ушел. Я думал, он сейчас вернется, но — нет, не вернулся. На другой день администратор картины говорит: «Тебя Высоцкий просит выйти на минутку». Я вышел, вижу — стоит Высоцкий. И говорит мне: «Я думал, мы с тобой друзья. А ты пять дней находишься в Москве, и не позвонил мне? Значит, ты не хочешь со мной дружить». Очень сурово он мне это сказал. А я ведь ему не позвонил, просто полагая, что он занят, не хотел обременять его. Но он считал иначе — друг обременить не может.

Высоцкий был человеком очень сложным, но при этом очень цельным. Он тяжело переживал, что его не считают поэтом, а считают актером, песенником. Он говорил: «Они не понимают, что то, что я делаю, — это поэзия, а не песни. Это не второй сорт!»

Мне не нравится, когда солидные творческие люди рассказывают, как он пил. Я понимаю, что он пил, но они выставляют это на передний план, как будто кроме этого он ничего не делал. То, что он пил, наверное, было для

него каким-то раскрепощением. Я его не оправдываю, но нельзя это питье вытаскивать на передний план, потому что Высоцкий славен не этим! Если у меня есть в жизни какое-то богатство, — не материальное, а богатство души, — то в первую очередь, это то время, которое я проводил с ним. Высоцкий был знаком нашей эпохи, и я горд тем, что он был человеком моего поколения.

Кахи КАВСАДЗЕ

— С Володей Высоцким я встречался только два раза. В 1966 году «Таганка» приехала на свои первые гастроли в Тбилиси. Гастроли имели большой успех, выступали они на сцене театра имени Руставели («Таганка» играла в театре музыкальной комедии и в городской филармонии — прим. авт.). Поскольку мы были как бы хозяевами этого театра, мы москвичам устроили большой банкет. Банкет был организован в мастерской художников — Кочакидзе, Словинского и Чикваидзе. Они были друзья, всегда вместе, как Кукрыники. У них была замечательная большая мастерская — вот там мы и устроили встречу. Хорошо напились! Хорошо провели время! Мы все были молоды, мы все были красивы, мы все были сильные. Мы хотели хорошо повеселиться — и мы это сделали. Москвичи больше смотрели и слушали. Грузины были активны — они больше пели и больше танцевали. (Владимира Высоцкого, по свидетельству Александра Николаевича Словинского, на этой встрече не было. А режиссер Теймураз Абашидзе уверен, что Высоцкий пришел в мастерскую художников, но эта встреча

была в 1979 году — прим. авт.).

Потом... Вот я не помню, было ли это на следующий год или еще через год — мы поехали на гастроли в Москву. Не помню, выступали мы в помещении Малого театра или Вахтанговского. И тут уже таганские артисты устроили для нас большой банкет в фойе своего театра. Я помню, перед банкетом настрой у нас был такой — сделать то же, что мы сделали в Тбилиси. Снова петь, танцевать... Там, на банкете у художников, я, честно сказать, был одним из самых активных участников. И настрой у меня был, что вот сейчас я снова этим делом займусь, как это было в тот раз. И вот началось веселье, разговоры, ла-ла-ла... И тут кто-то говорит: «Ну, давай, Володя! Сейчас ты!» Я раньше знал Володину песни, наслаждался, говорил, что это гениально... Но тут я впервые услышал его пение лично. Я сидел, наверное, в полутора метрах от него. И он спел. Я абсолютно, в буквальном смысле этого слова, обалдел! И никто уже из грузинских моих товарищей, моих коллег, ничего не смогли спеть. После него это было совершенно невозможно.

Он хотел закончить, говорит: «Теперь давайте вы». — «Нет, — мы сказали, — ни в коем случае. Только ты».

И он пошел и пошел... И все сидели до самого конца, слушали его песню, его искусство. Он взял нас и увлек за собой. Это была абсолютная фантастика! Если у меня были в жизни какие-то творческие, музыкальные, эмоциональные потрясения, то пение Володи, безусловно, для меня самое большее потрясение! Я никогда это ощущение не забуду! Это было настолько невероятно... Мы даже не смогли хорошо напиться! Просто сидели и слушали Володю. О нем будут долго вспоминать, потому что он был

замечательным поэтом, фантастическим певцом и совершенно гениальным человеком.

Роберт СТУРА

— Я вспомнил гастроли 1966 года. Тогда еще не очень известный театр на Таганке приехал в Тбилиси и произвел ошеломляющее впечатление. Мы подружились. И когда мы поехали на гастроли в Москву, нам устроили прямо на сцене необыкновенный концерт и банкет. И тогда впервые я услышал Высоцкого. Он пел «Очи черные». На меня это произвело впечатление, которое нельзя ни с чем сравнить. Он пел с такой силой темперамента, которая захватывала всех нас.

Гуранда ГАБУНИЯ

— Мы приходили в «Таганку» на репетиции, заходили за кулисы, смотрели отрывки. Хорошо помню «Гамлета». Много разных Гамлетов видела, большое впечатление произвел Лоуренс Оливье. Но Высоцкий играл как бы простого современного нам парня. И то, что он пел, было естественно и трагично. И вообще в спектаклях все внимание было направлено на него. Впечатление было совершенно потрясающее. Он был закрытый человек. Помню, на банкете он не развлекался, не шутил, он пел. Позже в Пицунде я познакомилась с Мариной Влади. Там отдыхали мои друзья Саша Митта с женой, она и привезла ее из Парижа. Это была прелестная

скромная женщина. Я счастлива, что у нас были хорошие отношения. Высоцкий мог все. Все говорят о его песнях, а он ведь был замечательным актером. В фильме «Служили два товарища» сыграл потрясающе.

Вахтанг КИКАБИДЗЕ

— В 1976 году я пришел к Высоцкому на «Мосфильм». Хотел спеть его «Конец» и попросил разрешения. Володя отказал. Сказал: «Ты споешь по-другому, не так, как я». В 1994 году возникла идея — американская, кстати, — чтобы я выступил в турне по Америке с песнями Высоцкого. Я подумал и отказался. Все-таки, это не мое.

А вот то, что сейчас расскажу, впервые говорю. Лет 40 тому назад я был на гастрольях в одном маленьком российском городе. Тогда водку продавали с 9 до 12 дня. Потом невозможно было достать. Мы были молодые, приехали с концертной бригадой. У нас было дежурство по утрам, мы должны были успеть отовариться. И настала моя очередь, я возвращаюсь с сумкой в руках, навстречу мне идут двое ребят, один случайно задел сумку, и там зазвенело. «Водка?» — «Да». — «Елки-палки, а мы не успели. Продай. Мы из Таганки, приехали с театром». — «Мы тоже артисты». И я им еще говорю, что если хотят выпить, пусть после концерта приходят в гостиницу, и называю наш номер. «Там посидим вместе». Когда вечером мы вернулись, они уже около двери стояли. Поздоровались, зашли, сели, начали пить. Потом один куда-то побежал, принес гитару, сказал, что

будет исполнять свои песни. И вдруг неожиданно для меня звучит хриплый голос. До утра сидели. Так завязалось наше знакомство, отчасти шепотное, потому что когда мы где-то пересекались, сразу появлялось желание выпить. По старой памяти. Вчера я был в одном доме. Пришел в гости один человек, и вдруг потом он встал и выпил за память Владимира Высоцкого. Грузины знают цену и поэзии, и музыке Высоцкого. Его обожали. Он был интернациональный. У итальянцев есть такое звание, народ придумал — «интернациональный». Из нескольких актеров, кого называли интернациональный, Альберто Сорди, допустим. Потому что они были лицом нации. Это Шукшин, Высоцкий...

Валерий ПАРТУГИМОВ

«Перед вами, дорогие читатели, фотография почти полувековой давности, ранее нигде не опубликованная. Ее автор — известный фотомастер, ветеран грузинской репортажной съемки, фотокорреспондент газеты «Заря Востока», добрый и скромный человек Михаил Квирикашвили. Он сделал этот снимок в кабинете редактора газеты в июле 1966 года, когда в гости к «заринцам» пришли все главные персоны уже тогда знаменитого московского театра на Таганке, прибывшего в Тбилиси на свои первые крупные гастролы. Отпечаток снимка Миша подарил мне. С тех пор я бережно храню дорогую для меня фотографию в своем архиве. Не отдавал никому за все это время даже ее копии. Недавно Валерий Золотухин просил, до него — музей,

В редакции газеты «Заря Востока», 1966 (из личного архива В. Партугимова)

петербургский фан-клуб, но я почему-то упрямылся и всем отказывал. Мало кто и видел эту фотографию, не в моих привычках показывать гостям свои альбомы с напечатанными свидетельствами быстротечности жизни. Но вот пришло время, и отказать друзьям и коллегам из «Русского клуба» не смог — здесь, на умных и красивых страницах журнала памятного снимку самое место. Мне, что и говорить, приятней всего было бы подарить эту фотографию Владимиру Семеновичу к его 75-летию, которое отметили в прошлом месяце, увы, отдав дань лишь его памяти. Однако там, «где голос вещей сердцу говорит», нам отзовутся прозорливые слова Дмитрия Пригова: «Граждане, я лелею мечту о скором возвращении всех ушедших». Ведь вы верите, что они вернуться?

...Тот летний день, политый палящим зноем, запомнился внезапно появлением в коридоре редакции в одном лице печальной доброй Шен Те и его придуманного двойника в черных очках и котелке — бессердечного Шуи Та. Ведь только вчера вечером

в Тбилисском театре музыкальной комедии на спектакле «Добрый человек из Сезуана» я рвал кисти рук в аплодисментах благодарности блестящей актрисе Зинаиде Славиной за ее выплеснутую на сцену, измученную любовью нежную душу. И вот она здесь, идет мне навстречу, словно на свидание. Тогда я так размышлял об этом, что едва не столкнулся со свалившимся, как показалось, с небес безработным летчиком Янгом Суном, вчера развалившим свою свадьбу и мечущимся по сцене прямыми углами, а сегодня представшим предо мной сдержанно улыбающимся Владимиром Высоцким. За ними появился в белой рубашке подтянутый джентльмен, отец театра на Таганке Юрий Петрович Любимов, с пока еще спрятанной в кармане брюк легендарной судьбой, вслед ему — Вениамин Смехов, Валерий Золотухин... Я один в коридоре изображал собой групповую, так называемую «немую сцену» финала «Ревизора». Вряд ли я стоял с раскрытым ртом в позе окаменевшего от страха чиновника, но, как помнится, шок от

неожиданного нашествия инопланетян с Таганки я испытал. Однако шок был прекрасной закуской к ледяному шампанскому, которое уже пенилось в бокалах на длинном овальном редакторском столе.

Одно чудо, нанизанное на другое, создает иллюзию новой реальности, и вот уже отодвинуты прочь кислые редакционные будни, мы погружены в светлую, праздничную и, как подушка — пухом, наполненную смехом атмосферу схождения с небес богов в обличье простых людей, что один к одному повторяло потешную картинку из вчерашнего спектакля «Добрый человек...»

Кабинет редактора, в иные дни представлявшийся нам парижской Гревской площадью, где впервые, а потом и ежедневно казнили провинившихся гильотиной, в несколько минут был солнечно озарен присутствием вольных духом, веселых и, как тогда казалось, беззаботных актеров Таганки. Эхо иной, свободной и независимой человеческой жизни ворвалось в закулисы главной партийной газеты. В большой мрачной комнате, где каждый день, как заклинание, звучали цитаты из безумных по сути речей Брежнева и ему подобных, зазвенела, зашаманила гитара и прохрипел, продрался к нашим сердцам незалуженный прибоем голос Володи Высоцкого: «А на нейтральной полосе цветы — необычайной красоты!»

Мы слушали, как замороженные, не скрывая своего восторга, а он пел «стоя на краю», иступленно, его лицо несло навстречу нам и проносилось мимо, спеша на те недостижимые для нас высоты, где он располагался как дома, где нет ничего, кроме жертв и вечной готовности к ним. Заметил я тогда, что остальные актеры не сиде-

ли просто так, расслабившись, а подтянулись к поющему Володе Высоцкому, пересаживаясь с одного стула на другой, словно выстраивая им одним понятную мизансцену. Кто-то стал едва слышно постукивать по столу, и мне вспомнилась сцена из «Доброго человека...», когда одним только сидением на стульях в ряд и мерным хлопыванием ладоней была создана абсолютно достоверная, хотя и иллюзорная картина работающей фабрики.

Эти вахтанговские волшебства будут подхвачены и развиты Юрием Любимовым в дальнейшие годы расцвета Таганки, но в тот день мы, журналисты, не искушенные в театральных условностях, воспринимали незаметные передвижения актеров в комнате и плотное обрамление их силуэтами изломанной фигуры дерзкого волчонка-одиночки с печатью гения, как шквалистый ветер, ворвавшийся в нас, как вихрь преображения разума и души. Не могу вам сказать, как долго после этой встречи каждый из нас сохранял в себе эти ощущения, но знаю точно, что во мне тогда зазвенел звоночек будущих жизненных перемен.

Всему есть начало и конец. Начало встречи вполне отвечало затыливым законам лицедейства: гости с Таганки немного играли в скоморохов, шутили и чуток дурачились, при этом очевидно сохраняя официозную напряженность и дистанцию отчужденности. На расстоянии прошедших лет мне лучше видится, какими тогда были мы и какими другими были они. Тут ничего не изменишь, они лучше нас чувствовали атмосферу застоя в отдельно взятом маленьком уголке большой страны, в этом же застое увядающей, как брошенные на могилу розы. Наверно, мы не были столь наивными, чтобы не понимать сути происшед-

шего, но искали и находили для себя компромиссы и оправдания, тогда как они напрочь отвергали и то, и другое. Однако и мы, и они были молоды и незлобивы, потому, возможно, эта короткая встреча странным образом сблизила нас на час-другой, позволила обаянию молодости и проявленной душевной открытости одержать верх над скованностью и обоюдной настроенностью.

Конец встречи оказался совершенно иным: наши волнение и благодарность были столь обнаженными, что не могли не вызвать ответного чувства этих молодых талантливых кудесников сцены, и они подошли к нам ближе, заулыбались, как давние друзья, охотно ответили на все наши любопытствующие вопросы, сами о чем-то поспрашивали.

Как-то само собой получилось, что появился, вернувшись с очередной съемки, Миша Квирикашвили со своей камерой, и почти все, кто были в тот момент в комнате, заверещали, как дети, настаивая на групповом портрете. Так родился на свет этот снимок, который запечатлел не только звезд театра на Таганке вместе с журналистами газеты «Заря Востока», но и нашу общую молодость, которая ясно проглядывает в открытых лицах, в задорности и беспечной улыбчивости персонажей съемки. Некоторых из них сегодня уже нет с нами, с печалью подтверждаем их уход в иной, лучший мир, но грусть никогда не побьет камнями забвения память о радости и воодушевленности того дня».

Гоги ОЧИАУРИ

— Это было в самом конце 60-х или начале 70-х, точно не помню. Я как раз работал над памятником и был в тот период очень расстроен. У меня

был такой замысел, что Важа Пшавела стоял босой. Но мне не разрешали. В ЦК вызывал Стуруа, брат Мэлора. Там, оказывается, жаловались, не знаю, кто, почему я не обуваю его, что это значит, на что намекаю. Я даже не знаю, к чему они придирались. Я

сказал, что не знаю, как боги обуты. Четыре года грузинские писатели, ЦК не давали возможности работать.

Я с моими помощниками втроем работали в проектном здании ТбилЗНИИЭПа, в помещении, которое нам выделил горсовет. Мы были отгорожены фанерой. В дверь постучали, мы открыли, все в гипсе были...

Открыли, и стоит Марина Влади. Она ослепила нас.

Я догадался, что она одна не могла появиться, и потом только увидел остальных: Зуру Церетели, мою супругу, была одна поэтесса из Англии с грузинской фамилией. Оказывается, до этого побывали у нас дома и потом решили навестить меня на работе. Зураб Церетели сказал, что раз его нет дома, пойдем в мастерскую. Их в Тбилиси пригласил Зураб Церетели. Они у него гостили. Надо заметить, на тот период никто вообще не знал об отношениях Влади с Высоцким. А у нас были две бобины, единственные две бобины: Высоцкий и Окуджава, и в мастерской, и дома мы все время, с утра до вечера их крутили. Его песни я очень любил. Но случилось так, что Высоцкого я не узнал. Причем и фотографии, и фильмы мне были хорошо известны. Но и не думал предположить, что это он с Мариной Влади.

Они вошли, и, как вам сказал, мы все просто онемели от ее красоты. У

нас в мастерской находился указательный палец памятника Важа Пшавела: у него левая рука открыта, и никто не догадывался, что окружность этого пальца размером с человеческую шею. Мы давно всех спрашивали, спорили на вино или что-нибудь еще, и никто такого не ожидал и не давал верного ответа. Марина Влади вдруг обхватила пальцами свою ногу, красивую, очень красивую обтянутую ногу — в брюках она была, и сказала: вот такого диаметра, и долго держала в обхвате свою ногу, и мы, конечно, забыли обо всем.

Но потом этот незнакомый парень начал со мной говорить о Важа Пшавела. Он подошел к памятнику и спросил меня, почему я обул Важа Пшавела. В Тбилиси грузинские писатели мне запрещали оставлять Важа Пшавела босым, а этот незнакомый мне русский молодой человек попал прямо в точку. Он никак не мог знать или догадаться, что у меня был такой замысел, памятник уже обутой стоял. Но я вообще удивился, что он знал Важа Пшавела. Затем он сказал, чтобы я рядом с Важа Пшавела вылепил змею — он прекрасно знал поэму «Змеи»... А у меня тоже была такая идея! Это меня очень тронуло, и мы отстранились ото всех, остальные восторгались Мариной Влади, а мы разговаривали. Меня удивили его познания в творчестве Важа Пшавела, в поэзии вообще, но я все равно не догадался, кто передо мной. Узнал я фактически только во время расставания. Грузинская поэтесса из Англии сказала мне, что Влади очаровательная, и какой грубый мужлан рядом с ней. Я спросил: «А кто он такой?», и когда она ответила, что это Высоцкий, я напрочь забыл о Марине Влади. Более того, стал думать, что ему говорил про Важа Пшавела, что он мне рас-

сказывал. Какая там Марина Влади! Конечно, было поздно признаться, уже неудобно. И так мы расстались, я провожал их до дверей.

Мы с ним говорили о поэзии. Сейчас не могу все вспомнить, а придумывать не хочу. Я спросил его, откуда он знает Важа Пшавела так хорошо. Он сказал, что не Важа Пшавела, а горы Кавказские хорошо знает. Если бы я только догадался, что это Высоцкий, — он ведь был альпинистом. И он наверняка думал, что я узнал его. Так что вопрос мой, возможно, оказался ему странным. Потому и ответил, что горы хорошо знает.

Владимир ДЖАРИАНИ

— 1979 год. Я работаю в Тбилиси в отделом в научно-исследовательском институте по строительству — ТблЗНИИЭП, фактически это филиал московского института ЦНИИЭП жилища. Вместе с другом Александром Калантаровым (он работает в отделе информации — это важно, он имеет доступ к одной из двух так называемых наборных пишущих машинок, которые печатают типографским шрифтом), так вот, вместе с другом мы делаем сборник песен Высоцкого, то есть тех стихотворений, которые стали песнями. Могу сказать честно, что тогда я не знал о наличии у Высоцкого огромного количества стихотворений, не ставших песнями. Сборник почти готов — это 300 страниц, уже договорено с заведующим множительным цехом (потом он предаст нас) за хорошую плату сделать тираж — пока 100 экземпляров. Уже втихаря составляются списки желающих. И тут

— потрясающая новость: в Тбилиси приезжает театр на Таганке, на целый месяц: сентябрь-октябрь.

Сначала прибыл небольшой десант во главе с Валерием Янкловичем, главным администратором театра. Дело в том, что гастроль театра предваряются концертами-встречами с группой актеров, эти встречи называются «В поисках жанра», а актеры заявлены: Золотухин, Межевич, Филатов, Высоцкий. Огромная афиша у Дворца спорта: пять дней, по три встречи в день: утром, днем, вечером. С этими встречами случился прокол, состоялось их в итоге только пять и только по вечерам. Причины две, и я назвал их обескураженному Янкловичу (мы с ним немного сблизились и встречались позднее в Москве, и он провел меня сначала на генеральную репетицию, а затем и на посмертный спектакль «Владимир Высоцкий»): «В поисках жанра» — повесть Аксенова, которая совсем недавно опубликована в «Юности», она на слуху. Это что — спектакль? Зачем это нам? И второе. Дворец спорта строился только для спортивных мероприятий, акустика там со знаком минус, тбилисцы ходят туда только на спорт.

Появились актеры накануне первой встречи (без Межевича). И на другой день к 9 утра я уже был у номера Высоцкого в гостинице «Аджария». Проникнуть к номеру было совсем непросто, но — удалось, и у меня даже сохранился пропуск — на двоих, со мной Манана Хаки, моя сослуживица, балдеет от Таганки, а я — от Высоцкого. Никто не отзывается на стук в дверь. Но мы сидим, как партизаны в окопе. И где-то в 11.30 на очередной стук дверь открылась. На пороге хмурый Высоцкий, завернутый в простыню, из-за него выглядывает Янклович. Но со мной дама, и нас

впускают в номер. В номере — две комнаты. Нас сажают в первой, даму — спиной ко второй комнате, а я вижу, как Высоцкий начинает одеваться там, и идет такая беседа из комнаты в комнату. — Владимир Семенович, мы очень хотим, чтобы вы выступили для сотрудников нашего института. Высоцкий по-прежнему хмурый (вчера прилетели, встреча, конечно, поздний отбой). — А вы приходите во Дворец спорта вечером. — Нет, там вас будет мало. Мы хотим только вас. — И потом, вам, очевидно, нужны мои блатные песни? — Ничего не имеем против них, но мы предпочитаем услышать... И я называю целый ряд песен, давно их знаю, да и сборник готов: «Охота на волков», «Что за дом притих...», «Я весь в свету...», «Я не люблю», «Кто кончил жизнь трагически...». И Высоцкий начинает улыбаться: ему нравится этот перечень, ему нравится, что я называю именно эти песни... — Хорошо, договоритесь с моим администратором, но учтите, я занят в двух спектаклях, а в промежутках буду летать в Москву на съемки (это был Дон Гуан, «Маленькие трагедии», последний фильм с Высоцким).

Через 6 дней состоялась эта встреча. Это было днем в 3 часа. Мы заехали за ним в гостиницу, она находится прямо напротив Дворца спорта. А на площади перед дворцом несколько больших цистерн, но не с квасом, а с вином. Середина сентября, в Грузии праздник урожая винограда, на всех площадях продается молодое вино — мацари, сладкое как виноградный сок, шутить с ним нельзя, но пить — одно удовольствие. Мы предлагаем Высоцкому выпить стакан молодого вина. Высоцкий категорически отказывается: вечером «Гамлет», а в день «Гамлета» он ничего не ест и не пьет. Вот так! Кстати, эту деталь не отметил

никто из пишущих о Высоцком, даже В. Новиков (автор книги «Владимир Высоцкий» в серии ЖЗЛ) (со слов тех, кто постоянно находился рядом с Высоцким, уточним, что он не только в день спектакля, но вообще не пил в Тбилиси, разве что немного шампанского или вина; кроме того, автор, видимо, запутался в датах: если он встретился с Высоцким на следующий день после его приезда, т.е. 11 или 14, или 19 сентября, а концерт состоялся через 6 дней, т.е. 17-го, 21-го или 27-го, то в эти дни, согласно гастрольному репертуару, «Гамлет» не шел — прим. авт.).

Потом была незабываемая встреча на 400 человек, а через 4 дня еще одна встреча в том же зале (клуб «Строитель», не побоялся директор клуба, а вторая встреча вообще была по его инициативе). Билеты готовил я сам, печатка на обороте билета представляла собой отпечаток детской мягкой резиновой игрушки, наподобие ластика, в данном случае это был отпечаток тигра. Очень понравился билет Высоцкому, взял он на память. Перед началом выступления Высоцкий попросил меня, чтобы за кулисами все время был стакан чая. Только. И больше ничего. Встреча продолжалась ровно один час. Высоцкий сначала рассказывал о театре, о кино, затем, конечно, пел. В. Янклович все это время стоял в боковом проходе (хотя, конечно, ему могли принести стул) и с явным восхищением и даже обожанием смотрел и слушал Высоцкого.

Кстати, перед этой второй встречей, в машине я попросил Высоцкого прочесть на встрече что-нибудь. Очень ему понравилась эта просьба, на встрече сказал он о ней и прочел, убрав гитару за спину (и снимок этот вошел в фильм Соловьева по песне «Кто-то высмотрел плод...»), но, увы,

не свое, а Семена Гудзенко из спектакля «Павшие и живые»: «Нас не нужно жалеть...». Все остальные выступления Высоцкого в Тбилиси, а их было еще четыре («Кавгипротранс», Институт физики и «МИОН» — дважды) устраивались уже через меня, т.е. я рассказывал им, как надо договариваться и с кем и сколько это будет стоить, а стоило выступление Высоцкого 500 рублей. Сколько стоит сейчас выступление Киркорова? Вот так! (Как удалось установить, концерта в Институте физики не было; кроме того автор не упомянул, возможно, по незнанию, концерты в Институте пищевой промышленности, НИИ стабильных изотопов, ТНИИСГЭИ, Медицинском институте и др. — прим. авт.).

Я ходил на все спектакли театра, они проходили в Доме профсоюзов возле станции метро «Делиси». Очень часто бывал я в этом районе в те дни гастролей (благо, работал недалеко), удавалось видаться и с Высоцким, он подходил запросто (по его инициативе мы были на «ты») или приветствовал издали поднятием руки. В одну из встреч я рассказал Высоцкому о сборнике и попросил его дать что-нибудь для него. Сейчас невозможно вспомнить, откуда у меня была информация о том, что он ведет дневники, и я попросил его дать что-нибудь из дневников. «Какие дневники? — он заулыбался. — И вообще — это ваша работа и не разбавляйте ее ничем, и, если она получится, это будет второй сборник, первый был в Киеве некоторое время назад» (позднее мне довелось увидеть этот сборник, должен все же сказать, что наш был несравненно лучше). Потом театр уехал, а работа над сборником была продолжена... Сборник вышел в пяти экземплярах в конце 80-го года. Называется он «Владимир Высоцкий. Песенная

поэзия». Замечательный грузинский театральный художник, мой хороший приятель Юрий Чикваидзе (сейчас он живет в Штатах) сделал к нему два рисунка. А заведующий множительного цеха испугался и заложил нас руководству института, и дело дошло до КГБ, но — обошлось. Наказали, конечно, а как же иначе.

А потом... Потом, в 1981 году мне удалось собрать небольшой коллектив (со временем этот коллектив вырос и превратился в клуб «Ракурс», который знали не только в Тбилиси, но и в Москве, и в Ленинграде, и в других городах), так вот, небольшой коллектив, который создал аудиовизуальную программу «Владимир Высоцкий».

Для того чтобы представить Высоцкого так, как он этого заслуживал, мы пошли на маленькую хитрость. 1980 год. Все под запретом. Но существует общество «Знание». И вот через это общество пробивается брешь. Составляется безобидный текст на 10 страницах «Владимир Высоцкий. Военные песни». Лекция на 20-30 минут, и текст без проблем проходит все этапы утверждения: две рецензии (Кора Церетели, кандидат искусствоведения, и Георгий Михайлович Гиголов, профессор филологии), рассмотрение на Совете общества... И кончается все протоколом (он существует и сейчас): «Разрешить члену общества (конечно, мне пришлось им стать) Владимиру Джариани проведение лекции «Владимир Высоцкий». А текст — один экземпляр кладется под сукно, вернее, в одну из тумбочек (потом, когда появится необходимость, они этот текст не найдут: это Грузия со своим вариантом советской власти). А мы тоже положили этот текст под сукно — уже готов другой текст: 50 страниц, 400 слайдов, трехчасовая программа... Множество раз мы показывали

ее на разных площадках, в том числе, в Москве. Смотрели и слушали ее и мама поэта Нина Максимовна Высоцкая, и сын поэта Никита Высоцкий (ныне директор дома-музея Владимира Высоцкого), и Наталья Крымова, и Андрей Крылов и другие. Существует обширная книга отзывов (подлинник находится в музее Высоцкого).

Михаил ЛЯШЕНКО

— Дело было летом 1984-го. Сергей Параджанов доснял и смонтировал свой фильм «Сурамская крепость» и давал импровизированные премьерные показы в малом просмотровом зале киностудии для жаждущих приобщиться местных гурманов и избранных приезжих. Наутро после одного из таких просмотров и последовавшего застолья дома у режиссера помогаю маэстро мыть посуду на веранде против известной «фрески» «Танцующие курды». Жарко, и мыть посуду в совсем не приспособленных к этому условиях — занятие пренебрежительное. Но надо. Мурлычу себе под нос что-то душевное, вроде: «Гоп со смыком» или «С одесского кичмана сорвались два уркана».

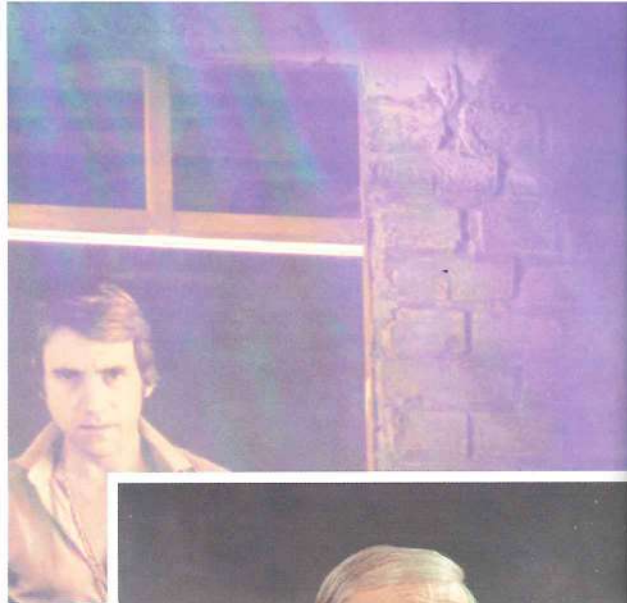
— О! — оживляется Сергей, — конечно же, как банальный интеллигент областного масштаба, поешь блатные песни под гитару.

— Могу и спеть.

— А сботать по фени?

— Можно возродить юношеский опыт.

— Вот слушай — сценарий и постановка — мои. Бреем тебя наголо, расписываем наколками — это будут шедевры, которые потом смо-

Концерт, посвященный «Русским клубом»
75-летию со дня рождения В. Высоцкого.
Тбилиси, 2013

жешь смуть, а хочешь — распишем по-настоящему. Легенда такая: ты сын фронтового генерала, репрессированного после войны. Мать не перенесла горя и сошла в могилу. Ты остался с бабушкой. Бабушка больна, денег на хлеб и лекарства нет. Твой персонаж идет воровать, идет на срок, становится честным вором, крупным авторитетом. Сейчас он (то есть ты) в побеге, скрывается, приехал ко мне — мы вместе сидели... Я ставлю тебе образ и делаю реноме. Нас приглашают в роскошные светские салоны, ты поешь блатату и рассказываешь истории из своей трудной жизни — я научу какие... Роскошные столы, благосклонность потрясающих женщин... Неделю-другую, потом исчезаешь... Идет?

Эдакий перформанс на пару недель в постановке гениального Параджанова и в моем исполнении. Конечно, соблазнительно. Но ведь некогда. И до артистических ли мне авантюры?

— Разумеется, интересно... — говорю, — а, может, я буду петь свои песни. Разве не лучше — вор в законе еще и бард — загубленный талант... Назначьте прослушивание — покажу материал.

Маэстро, задумавшись, щелкает, по своему обыкновению, языком.

— Миша, смотри мне прямо в глаза, — эта мизансцена означает, что игровые условности отменяются и речь пойдет по существу. — У меня был близкий друг, лучший бард Советского Союза, Володя Высоцкий, слышал о таком? — Разумеется, слышал. — Так вот, Володя был человек очень тонкий и избегал при мне петь. Он знал, что его я очень ценю, но мне не нравятся его песни... Правда, был один случай... Суренчику удалили гланды. Очень неудачно. Все вра-

чебные средства исчерпаны, медицина развела руками, говорит, если молодой организм справится, то, возможно, и выживет — нужны положительные эмоции... Он в Киеве — я в это время в Москве. Кризисная ночь — даже доехать не успеваю. Володя с Мариной как раз были у меня. «Чего, — спрашиваю по телефону, — ты очень-очень хочешь? Володя с Мариной, — говорю, — шлют тебе привет...» «Пусть Володя мне споет». Володя тут же съездил за гитарой и всю ночь до утра пел ему по телефону. Суренчик, как ты знаешь, до сих пор жив. Вы все знаете его, как крикуна и горлопана, а он был совсем другим человеком, очень глубоким человеком был, он умел гениально молчать. Молчал он гениально... И умер гениально — вовремя. Это надо уметь — уйти вовремя. Как и Гагарин, кстати.

Ирина ШЕЛИЯ

...Лето 1966 года. Московскому театру на Таганке чуть больше двух лет. А эхо восторженного бума вокруг молодого, эпатажного, поющего и пляшущего театрального коллектива пронеслось по всей стране. Их с нетерпением ждали повсюду. Первые большие гастроли театра — в Тбилиси!

Старое здание Тбилисского театра музкомедии и тихий скверик окрест него навряд ли помнили столько шума-гама и многолюдья. У центрального входа, по обе стороны дверей, там, где привычно видеть пожилых билетерш в темных пиджачках, стоят два молодых парня в бушлатах, в матросских бескозырках и лихо нанизывают на штыки билеты, которые они ловко выхватывают из рук обескураженных зрителей — рассказывайтесь, мол, где попало, у нас демократия. «Десять дней, которые потрясли мир»

Джона Рида читали?» И такие шутки-прибаутки — чуть ли не каждому гостю персонально. В высоком красавце по правую руку от дверей узнаю Бориса Хмельницкого. А второй, ростом пониже и лицом резче, кого-то смутно напоминает. — Вам налево! — хриплым голосом командует он и тут же грозно гаркает на тех, кто стоит в очереди за нами: «А вам в другую сторону!» Пробираемся сквозь толпу, в которой зрители вперемешку с театральными «матросами». А за спиной рокочет хриплый баритон. И вдруг осенило! Это же тот самый — «А на нейтральной полосе цветы...»

...Вторые роли играл Высоцкий или третьи, уже не имело никакого значения для тбилисского зрителя. Его голос звучал в каждом доме. И большая часть публики пробивалась в зал «на Высоцкого».

...В 1975 году худрук театра на Таганке Юрий Любимов пригласил поставить в своем театре любой спектакль на свой вкус мэтра театра на Малой Бронной Анатолия Эфроса. Великий режиссер выбрал «Вишневый сад» А.Чехова. И взял на роль Лопухина Высоцкого. Это была судьбоносная встреча двух необходимых друг другу художников, двух лидеров абсолютно разных театральных направлений, взаимоисключающей театральной эстетики... И не была ли эта творческая встреча откуда-то свыше ниспосланным знаком грядущих трагических событий в жизни актера и режиссера, в разные годы разыгравшихся на подмостках Таганки?

И этого послеэфросовского Гамлета, уже в 1979 году, увидел тбилисский зритель. Не знаю, каким по счету был спектакль лично для меня, как не помню и того, каким образом я очутилась в те дни в Тбилиси. Но как сиюминутную картинку помню каж-

дый взрыв кульминации разбитого Высоцким на отдельные части хрестоматийного монолога. Это был самый печальный, самый трагичный из всех виденных мною до того его Гамлетов.

Празднично наряженная публика, взволнованная предвкушением встречи с Высоцким, не замечала вовсе, что он уже перед нею, сидит, прислонившись к шершавой поверхности грубо-выбеленного задника сцены. И в его улыбке с характерным изгибом правого уголка губ столько горестной иронии. Столько света и сострадания ко всему живому в неподражаемом взгляде его добрых глаз, что больно щемит сердце. И беспощадной молнией поражает мысль — я вижу это в последний раз.

Это сейчас только ленивый не пишет о Высоцком. А в то время, когда вся страна — от замерзавшего в подворотне алкаша и до представителей высших эшелонов власти — распевали его песни, средства массовой информации воздерживались от упоминания его имени. (Грузинские СМИ широко освещали гастроли «Таганки» и в 1966-м, и в 1979 г. Как мы помним, именно в Тбилиси в 1966 г. опубликован первый в СССР очерк об артисте — *прим. авт.*). И вдруг! В тот грустный вечер мой старинный друг и однокурсник Вадим Анастасиади, обрадовавшись нашей неожиданной встрече, предложил написать о гастрольных спектаклях Таганки для редактируемой им тогда газеты «Молодежь Грузии».

Наверно, из нежелания идти на поводу у горестных предчувствий, возникших на последнем для меня «Гамлете», я озаглавила написанный в ту ночь очерк о Высоцком бравадно-оптимистическим: «Быть — вот ответ!» Не избалованный при жизни публикациями о себе, Володя очень

радовался тому восторженному опусу, вышедшему на следующий день в «Молодежке». Благослови Господь моих замечательных тбилисских коллег — и тех, кто теперь так «далече», и тех, «кого уж нет». Им тогда было до фени, одобрит высшая инстанция советской прессы пламенные речи никому не известной молодой журналистки о Высоцком, Эфросе, Тарковском... Благодаря моим уважаемым старшим тбилисским коллегам — здесь не могу не назвать святые для меня имена Тамаза Чиладзе и Гурма Асатиани — я могу сегодня, закрыв глаза, смотреть «свое кино», смонтированное из бесценных мгновений общения с гениальными творцами.

...Журналистам тбилисского телевидения так же, как и мне, не могло прийти в голову, что не существует записи «Гамлета». Иначе, не сомневаюсь, что тот же замечательный мастер своего дела оператор Игорь Нагорный, никогда не пропустивший неординарных событий, схватил бы свою камеру и, никого не спрашивая, на свой страх и риск заснял бы весь спектакль от первой минуты появления на сцене Высоцкого, тихим голосом пронзительно пропевающего: «Гул затих. Я вышел на подмостки...», и до последнего, фантастически красивого фатального удара рапирой.

Если бы знать тогда!

Пишу сейчас эти строки и перед глазами отчетливо возникает тот зал уже нового Тбилисского театра музыкальной комедии (гастроли «Таганки» в 1979 г. проходили во Дворце профсоюзов). Отдельные лица из публики. Солидная дама в зеленом бархатном платье, утирающая слезы кружевным платочком. И возле нее, готова поклясться, были камеры! Что это?! Сегодняшний мираж или ...? Или все эти годы в архивах родного

тбилисского телевидения таится Гамлет Высоцкого? Если бы это было так...

В тот 1979 год тбилисцы узнали еще одну, последнюю театральную роль Высоцкого. Знаковую роль. Свидригайлов в «Преступлении и наказании» Достоевского. Он очень хотел сыграть в этом спектакле Раскольникова, не раз говорил: «Мне интересно было бы побыть этим человеком». Но, как когда-то в «Пугачеве», о роли которого он мечтал, ему выпало быть Хлопушей и превратить доставшийся эпизод в квинтэссенцию драмы, в самую яркую кульминационную сцену есенинской поэмы, так и в этой своей театральной роли он с блеском передал в одном единственном монологе всю противоречивость и трагизм Свидригайлова — человека, неистово жаждущего общения с миром людей и беспросветно одинокого. Жаждущего жизни и обреченного на неотвратимый уход из нее. В газете «Молодежь Грузии» появилась рецензия и на этот спектакль Ю. Любимова. Наверно, было журналистской дерзостью называть сей опус ни больше, ни меньше, как «Роман без героя». Но живущая в тот период в мире Достоевского по своим аспирантским делам, я разнесла в пух и прах таганковскую версию истории Раскольникова, подробно остановившись на образе Свидригайлова. Подчеркнув, что от Достоевского в спектакле только и есть что исполнитель этой роли второго плана. Один из образов, о которых сам писатель говорил: «Главный герой — другой, это всего лишь аксессуар. Но зато какой аксессуар!»

Читая мои разглагольствования, Высоцкий почему-то очень развеселился:

— Круто! Больно сильно круто! — хохотал он. И неожиданно серьезно

добавил:

— Не бойсь, Ирина, я им сказал, что тебя зовут Иваном. Пусть ищут.

Кто помнит, в те времена публикации подписывались фамилией автора, имя означалось только инициалом. Грузинские фамилии, на мое счастье, по родам не изменяются. Оказалось, обиженные статьей артисты, занятые в спектакле, ищут мифического Ивана, чтобы шею ему намылить. Немногих, посвященных в мистификацию, придуманную Володей, и охотно подхватившую принимающей стороной — его тбилисскими друзьями, особенно забавляло то обстоятельство, что воинственно настроенные актеры мило улыбались и болтали с «поклонницей театра» по имени Ирина. Фамилией ее, к счастью, никто не интересовался.

...В прошлое наплывают свои, живущие в памяти и дорогие сердцу картины последних встреч с Высоцким в жизни и, конечно, в театре.

Жаркий август. На раскаленном солнцем пицундском пляже сидят кружочком три женщины. Три молчаливые и очень красивые женщины... А у самой кромки береговой волны стоят трое мужчин. Смотрят в морскую даль и о чем-то своем... молчат.

Удивительно спокойный, но и в этом безмятежном спокойствии словно заглушающий своей внутренней силой пляжный гомон Володя Высоцкий. Светло-улыбчивый, скромный до робости, творец фантастической музыки Альфред Шнитке. И подвижный, точно все время бегущий за своими видениями кинорежиссер Александр Митта. В этот дивный день их связывает нечто неизмеримо большее, чем недавно отснятый фильм «Арап Петра Великого»... Так велика была заразительная сила гармонии любви, мудрости и женственности этих красавиц-

жен, что нечто очень важное согрело мою душу в эти минуты и осталось в ней навсегда. То было познание чего-то высокого, очищающего, щемяще грустного...

В то лето постоянные отдыхающие сказочного Дома творчества Пицунды к ужасу местной администрации повадились устраивать ночные заплывы. А вдоль берега бегала босоногая богиня мирового киноэкрана и звонким голосом русской девчонки кричала в крошечную морскую темноту: «Принц, вернись!»...

Владимир САРИШВИЛИ

«Я просто соскучилась по Грузии. Я воспользовалась удобным предлогом — мой зять Степан Бирюков был избран членом жюри батумского Международного фестиваля анимационных фильмов «Топузи», и я попросила устроить мне «тбилисские каникулы». Остановилась у старых друзей — их здесь у нас много. А знаете, что меня давно манило вновь побывать в Грузии? Я мечтала увидеть картину Пиросмани «Медведь в лунную ночь», — рассказывает, расположившись напротив меня с чашкой чая, вдова Владимира Высоцкого, мать его сыновей, Аркадия и Никиты, Людмила Абрамова, для друзей и близких — просто Люся, как называл ее сам великий менестрель.

— Вы познакомились с Владимиром Семеновичем в 1961 году, на съемках фильма «713-й просит посадку»...

— Мы узнали, что снимаемся в одном фильме уже после случайного знакомства на улице. Я подходила по

Ленинградской набережной на Черной речке, где стрелялся Пушкин, к гостинице, где жила съемочная группа, и вдруг навстречу делает шаг парень, в кровь лицо разбито, рубашка изорвана. И с ходу — «Девушка, у вас есть деньги? Очень нужно...» Оказалось, он не мог расплатиться по счету в ресторане, завязалась драка, добавилось еще за битую посуду, и администрация держала палец на диске телефона — вызывать милицию, если сейчас же «деньги на бочку» не положит. Денег у меня тоже не было, но я, не раздумывая, отдала им бабушкин перстень с аметистом.

— Однако, это поступок. Залог ведь мог бы и не вернуться...

— Главное, начальство успокоилось. Я в ту минуту не думала — вернется перстень, не вернется. Просто видела, что надо спасать человека. А перстень вернулся, конечно. Но главное — этот парень (именами мы обменялись только наутро) — поблагодарив меня душевно, душевно и пригласил подняться в компанию знакомых геологов, песни послушать. И с первых же нот я была заворожена, потрясена гениальностью исполнения.

Возвратившись в Москву, они уже больше не расставались. Доброжелатели не преминули доложить Люсе, что Высоцкий женат на актрисе Изе Жуковой, но это ее никак не беспокоило. К тому же Высоцкий прислал телеграмму с гастролей: «Люблю! Я — Высоцкий Владимир Семенович. Женат. Разведусь. Буду с тобой!»

— Я была зачарована и потрясена, — продолжает рассказ моя собеседница. — Ведь навидалась в свои 20 с небольшим лет актеров — и талантливых, и гениальных. Василий Шукшин, Андрей Тарковский, и другие Богом отмеченные художники были на виду в то время во ВГИКе. Но этот,

дурно одетый, никому неизвестный, нищий... Он пел до утра, и никто не устал. Я почувствовала его актерский талант — настоящий... А наутро мы спохватились, что пора бежать на работу. И тут выяснилось, что и трамвай один, и остановка, и путь один — в ворота «Ленфильма», и съемочная группа — одна. И судьба.

— Людмила Владимировна, в Москве ведь есть музей Высоцкого, где стараются бережно сохранять все, что связано с памятью о поэте...

— Я всегда знала, что в Москве будет мемориал Высоцкого. Я была уверена, что его произведения войдут в школьные программы и многократно об этом говорила, еще при его жизни. Хотя не предвидела, что сама буду к этому причастна. Но есть люди, сделавшие больше меня для сбережения наследия Высоцкого. Это, в первую очередь, Миша Шемякин, — не только замечательный художник и вернейший друг, но и деятельный, толковый человек. Уже эмигрировав во Францию, он услышал, как Володя поет, и, будучи не бедным человеком, приобрел дорогущую аппаратуру для записи всех его песен. Задался целью составить полное собрание не только песен, но и текстов, в связи с чем заставил Володю, не желавшего мириться с ухудшением зрения, купить очки, установил в студии пюпитр, и Володя начал свои 600 текстов. Многие он помнил по памяти, но зачем мучиться, тем более студийная запись. Много месяцев Миша посвятил созданию этой коллекции, и передал впоследствии копии в Музей Высоцкого. Но оригиналы — у него, и Шемякин имеет на это право. Все лучшее из написанного за последние 5 лет жизни Володя посвятил Мише, как горячо любимому брату.

Когда Володи не стало, Миша Ше-

мякин впал в отчаянную депрессию. Его сумел приободрить Эрнст Неизвестный, приехал к Мише, отвлекал общением. И главное, создал «двойной портрет» Шемякина и Высоцкого, где профили художника и поэта смотрят в разные стороны, как бы выходя из единого целого. Отойдя от депрессии, Миша долго работал над сбором и подготовкой материалов к 3-томному собранию сочинений Высоцкого; он издал этот капитальный труд, сочтя своим долгом собственноручно сделать к нему иллюстрации. И первый том этого собрания открывается тем самым двойным портретом работы Эрнста Неизвестного, который помог Мише начать выкарабкиваться из депрессии. Также в последние 5 лет, отведенных Володе, появился на его жизненном пути еще один настоящий друг — Вадим Туманов. Познакомились они на спектакле, в театре на Таганке. Туманов, в отличие от Шемякина, который года на 3-4 младше Высоцкого, был старше лет на 10. Вадик очень старался помочь Володе, относился к нему как старший брат, даже как отец. Вадик не был человеком культуры, эрудитом, как Миша. В молодости он был осужден, провел годы в лагерях, потом отправился в ссылку без права жить в крупных городах; организовал первое в СССР золотопромышленное предприятие, и брал в свою артель только лагерников. Статьи УК его не волновали, он ставил целью помочь этим бесправным людям вернуться к трудовой жизни. Но дисциплину установил железную. Володя ездил к Вадиму на Алдан, в Якутию, потом и в другие артели — на Таймыр, в Башкирию. Дружбы детства у него — Левушка Кочарян, душа компании на Большом Каретном, актер Всеволод Абдулов, адвокат Толя Утевский, Артур Мака-

ров, писатель и режиссер, пасынок великого кинорежиссера Сергея Герасимова и племянник его супруги, звезды советского экрана Тамары Макаровой.

Вадик пытался исцелить Володю от алкогольной зависимости. Он и в Америке проверялся, и сердце ему подновляли, и печень подтягивали. И Марина Влади все делала, чтобы его вернуть к жизни. Но он знал, что дело зашло слишком далеко. А главное — исчез в последние годы его неизменный оптимизм, он чувствовал, что стареет и скоро вообще не сможет играть молодые роли. Юрий Любимов первым понял это и дал ему роль Свидригайлова, одну из лучших в карьере Владимира Семеновича, но, при этом — возрастную роль.

— Наверное, были роли, которые он мечтал сыграть, да не сбылось.

— Да, сразу на память приходит Калигула из пьесы Альбера Камю и Сирано де Бержерак из одноименной пьесы Ростана. О Сирано он мечтал всю жизнь... Вадим Туманов является одним из членов Большого жюри премии имени Высоцкого «Своя колея». Учредил эту премию коллектив музея и лично мой младший сын Никита, а в жюри входят люди, ради которых Володя жил и работал в последние годы. А также все обладатели этой премии, начиная с 1997 г. Обладателями «Своей колеи» становятся ежегодно трое: люди, которые не изменяют своим убеждениям, кому сегодня, возможно, захотел бы посвятить песню Высоцкий, чья жизнь и творчество созвучны темам его поэзии. Это не премия за достижение в области литературы и искусства. Главным критерием для нас в определении лауреатов были личности, способные твердо следовать в жиз-

ни своей колее, несмотря ни на какие препятствия и повороты судьбы. Один из них — кинорежиссер Карен Шахназаров, спасший концерт «Мосфильм» от распродажи его собственности — не дал «миллион поменять по рублю». Очень дисциплинированным и преданным членом жюри был Сергей Шойгу. Из других узнаваемых в Грузии лиц среди лауреатов можно назвать режиссера Алексея Германа, аниматора Юрия Норштейна, писателя-фантаста Бориса Стругацкого, режиссера и актрису Галину Волчек, врача Леонида Рошаля, путешественника Федора Конюхова, писателя-сатирика Михаила Жванецкого, артиста Николая Караченцова, клоуна Вячеслава Полунина, актрису Чулпан Хаматову, директора музея-усадьбы Льва Толстого в Ясной Поляне Владимира Толстого, президента и многолетнего директора Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина Ирину Антонову... А всего лауреатов — уже более 50.

— Первый после кончины Высоцкого литературно-музыкальный вечер его памяти устроил в Тбилиси Владимир Джагани, в Доме работников искусств. Шаг был чрезвычайно смелым по тем временам...

— Да, мне рассказывали об этом. Высоцкий очень любил Тбилиси, в 1966 году театр на Таганке гастролировал в столице Грузии 40 дней (!). Выезжали и в Сухуми, но там, как Володя рассказывал, актерам приходилось туго из-за влажного климата. Уже не говоря о Батуми, где он тоже бывал впоследствии. Те длительные гастроли в Тбилиси совпали с празднованием 800-летия Шота Руставели. Грандиозное празднество, на которое съехались делегации почти из всех цивилизованных стран нашей планеты.

В это же время Володя снимался в Сванетии у Станислава Говорухина, в фильме «Вертикаль». Но кто-то его надоумил — уехать в «самоволку» — когда еще, мол, такое увидишь — фейерверки, светящееся полотнище с портретом Руставели, взметающееся в небо... И Володя, махнув рукой на съемки, поехал с первым же транспортом вниз по Военно-Грузинской дороге. В Тбилиси ему подарили юбилейное издание «Витязя в тигровой шкуре», богато иллюстрированное. И — два прекрасных миниатюрных издания поэмы Руставели. Главное юбилейное издание в великолепном переплете Володя сразу по приезде в Москву подарил отцу — Семену Владимировичу, известному книголюбу.

А миниатюру — мне, она теперь хранится в музее Высоцкого. Вторую миниатюру, в конце концов, он тоже «оторвал» от себя и пожертвовал в отцовскую библиотеку.

— Семь лет в браке с Высоцким... Некогда на вопрос, легко ли было жить с гением, вдова Федерико Феллини Джульетта Мазина ответила: «Гораздо легче, чем с дураком».

— С дураками я не пробовала. Но первые наши совместные месяцы и годы, при совершенно нищенском быте, были, наверно, и самыми счастливыми. Богемной нашу жизнь не назовешь — в круг нашего общения входила ранняя молодая поросль — мои и володины друзья, еще не успевшие стать богемой. Люди, одержимые своей работой — из МХАТА Высоцкого и моего ВГИКА. Жили на копейки, тянули, как и все, из родителей. Но когда родились дети — Аркадий и Никита, я сделала выбор в пользу семьи и оставила актерскую карьеру. Не верьте, что это возможно совместить. Надо выбирать одно из двух. И это был счастливый выбор.

Я не слишком высоко ценила себя как актрису, но все же была рада, что закончила именно актерский, а не педагогический, как задумывала изначально. Горжусь нашими с Володей сыновьями. Аркадий — человек не публичный. Он — сценарист. Написал сценарии для многих художественных фильмов. А вообще-то он очень домашний, семейный человек. Отец, каких мало! Никита — известный актер и директор Центра-музея Владимира Высоцкого. От сыновей у меня восемь внуков — потомков Владимира Высоцкого. Моя актерская карьера вряд ли могла быть бурно-успешной еще и потому, что я не любила труд киноактера, но очень хотела работать в театре, особенно меня привлекал жанр пантомимы. И в этой области я знаю себе цену. Но мне несравненно интереснее было жить с Володей и воспитывать детей, тем более что Высоцкий был необычайно легким в быту человеком.

— Он был совершенно неприхотлив, охотно бросался помогать по хозяйству, я нигде не афишировала этих его качеств, а те, кто знали об этом «изнутри» — «иных уж нет, а те далече». Стирал, в том числе и пеленки, вручную, какие тогда стиральные машины у студентов... Бегал по магазину, и на молочную кухню.

— А когда его стали узнавать?

— После «Вертикали», с 1967 года. До этого он снимался и пел в прекрасной белорусской картине «Я родом из детства». Но это совсем другой уровень проката, и количество зрителей со всесоюзным масштабом не сравнить. «Я родом из детства» наперегонки принялись показывать, когда Володи не стало, и выяснилось, что это — одна из самых масштабных его ролевых и песенных работ.

— Вы говорили, что он переживал

Людмила Абрамова и Владимир Высоцкий в кинофильме «713-й просит посадку»

по поводу возраста, крадущего у всех артистов «молодой репертуар». Но его лебединой песней стал Дон Гуан в «Каменном госте». И это был великолепный аккорд, неповторимая кода.

— В то время мы с Володей уже разошлись. Но расскажу, что знаю. Он очень гордился тем, что Михаил Швейцер пригласил его сниматься в «Маленьких трагедиях». Он даже наивно мечтал о всех ролях в этом сценарии — и Вальсингама в «Пире во время чумы»...

— Это его роль!

— И я в этом убеждена. Но он хотел сыграть и в «Скупом рыцаре», и Моцарта, и Сальери, в общем — театр одного актера воздвиг в мечтах. И, конечно, с восторгом согласился на роль Дон Гуана, хотя Швейцер боялся, что он откажется.

— Но ведь его и так редко приглашали, по известным причинам.

— В данном случае это не имело значения. Швейцер был перед ним виноват, и Володя, человек очень отходчивый, этой обиды не прощал долго. Был такой фильм «Бегство мистера Мак-Кинли», по сценарию Лео-

Людмила Абрамова с сыновьями

нида Леонова. Швейцер специально для Высоцкого вписал в сценарий роль уличного певца Билла Сигера. Заказал Высоцкому авторские песни к фильму, расписал ему содержание 9 песен, требуемую эмоционально-интонационную тональность, и сроку отпустил — месяц, а лучше если скорее. Володя явился через неделю. Принес 9 шедевров. И это при том, что был предельно занят в спектаклях и на репетициях... Швейцер с женой были потрясены до немоты — не только скоростью, но и художественным, исполнительским эффектом.

Швейцер все это снял, а одну из съемок назначил ночью, созвал на нее московских хиппи и рок-певцов из андерграунда, они счастливы были — можно попеть вволю, дорвались, в общем, властями униженные, оскорбленные и запрещаемые. Швейцер даже заплатить им не мог, только

ужином накормил. И когда уже все было снято, кто-то донес «куда надо» о ночных съемках с хиппи. Швейцера туда вызвали, все просмотрели и спросили: «А при чем тут Высоцкий?». Швейцер дрался до последнего: и содержание песен замечательное, антибуржуазное, жизнеутверждающее, осуждающее уход в небытие... Но утром пришел приказ — никаких песен Высоцкого. Швейцеру удалось отстоять лишь одну: «Вот твой билет, вот твой вагон». Среди не вошедших — такие шедевры как «Баллада об оружии» и «Прерванный полет».

— За что же обида?

— Швейцер ничего не сказал Володе, находившемуся в то время во Франции. А Высоцкий пригласил на премьеру множество друзей, близких. Перед началом демонстрации съемочную группу вызвали на сцену, устроили овацию «авансом». И пред-

ставьте себе состояние Володи, когда выяснилось, что песни вырезаны. Он воспринял это как предательство. И Швейцер был огорчен — дальше некуда, потому что осознал: фильм получился никаким, хотя там действительно блистал Донатас Банионис. Фильму явно не хватало «изюминки»

— даже несмотря на Государственную премию СССР, которую получили избранные члены съемочной группы. Надо ли говорить, что Высоцкого в этом списке не было. Видимо, понимая, что «перегнуло палку», киношное начальство, раньше и слышать не хотевшее о тандеме Швейцер-Пушкин, вдруг разрешило Михаилу Абрамовичу снимать «Маленькие трагедии». И было не против участия Высоцкого. Только «никаких песен, никакой отсебятины, все чисто по Пушкину». Володя воспрянул, узнав об этом предложении. Обиду просто забыл. Буквально сгорал на съемках, хотя это было обычное его состояние, но в этой роли особенно. Он понимал, что жить осталось недолго, и все же не скрывал счастья сниматься в одной ленте с Сергеем Юрским. Пусть они и не пересекались по эпизодам. Очень радовался за Валеру Золотухину, что ему досталась наконец роль — и какая — Моцарта! И все уговаривал Валеру не подражать Смоктуновскому, создавшему недостижимый театральный образ Моцарта (а в фильме — Сальери).

— Людмила Владимировна, рассказывают, что на похоронах Высоцкого Марина Влади обратилась к вам: «Сестра».

— Он по-настоящему любил Марину. Может быть, только Марину. И она его любила. А как можно, да и зачем препятствовать любви?

— Вы действительно сочувствовали ей и даже жалели?

— Ей досталось гораздо тяжелее, чем мне. И с детьми отношения не складывались. А что она пережила с Володей, — я 7 лет, а она 12! Да что вы! И унижений она натерпелась несравнимо со мной. Хотя бы просто потому, что более заметный в мире человек.

— Как-то Сергей Филиппов строго заметил молодому артисту: «Не по таланту пьешь». Сам он пил «по таланту», и Владимир Высоцкий — тоже...

— Володя смолodu пил, страшно пил, но ему всегда казалось, что сможет дать себе команду — и остановиться. Однажды, в конце 1965-го года, с помощью друзей и близких ему это удалось. А потом, когда срывался, ненавидел в себе это рабство свободного человека. Мучительнейший крест он нес. Но и в эти годы рождались самые потрясающие песни. Именно тогда появились и «Кассандра», и «Большой Каретный», и «Штрафные батальоны».

— Рассказывают: когда до вас доходили слухи, что у Володи случилась то ли автомобильная авария, то ли какая-то другая неприятность, все мелкое и суетное исчезало без следа. И вы признавались, что все готовы были отдать, только чтобы у него физически ничего не болело.

— Верно рассказывают.

— Рубцов на сердце добавляли и вечные отказы в публикациях.

— О чем вы? Его тиражи во много раз превосходили официальные сотни тысяч макулатуры «генералов от литературы». Миф это пресловутое «не печатали». Даже в советских журналах что-то печатали, и не забывайте о таких «глыбах», как самиздат и заграничные издательства. Трагедии на тему «не печатают» пишут те, кто не знает иного пути к читателю. Но вы поймите за штаны любого про-

хожего в Москве или Подмоскowie – и попросите прочитать что-нибудь из «стотысячных тиражей». На 99% уверена – пожмут плечами. И тут же попросите прочитать или напеть Высоцкого. На 99% уверена – напоят или прочтут. Его слушали и читали в «самиздате» все – от дворников до «кремлевских хозяев». Он был понятен людям всех сословий, вкусовых предпочтений и умственных возможностей. Так что творческая судьба его сложилась очень счастливо: были и настоящие роли, и настоящее литературное, и всенародное признание и титул «Короля бардов». А в Союз (советских) писателей Владимир Семенович никогда особо и не стремился, вопреки расхожему мнению.

– Согласно опросу, проведенному уже во втором десятилетии нашего века, Высоцкий в ранге популярности замечательных россиян идет на 2-ом месте, после Юрия Гагарина.

– Такой опрос проводился и в СССР, причем инициаторы рассчитывали на первенство спортсменов и космонавтов с тем, чтобы самим вписать в нужные графы Брежнева и прочих кремлевских старцев, а героям спорта и космоса отвести почетное место «во второй когорте». Но и тогда, несколько десятилетий назад, места распределились неизменно: 1. Гагарин, 2. Высоцкий. А вот его физическая, физиологическая жизнь, была очень мучительна. Он страдал так,

как это может быть знакомо только долго и тяжело болеющим людям. Мне было жаль его во время приступов до кровавых слез. Если бы кто-нибудь посмел в это время обронить что-то вроде «сам виноват, или сам себя губит», я бы его убила.

– Людмила Владимировна, позвольте вам в дар от «Русского клуба» передать еще журналы, в том числе и посвященные юбилею Владимира Семеновича, и видеодиски в память об этом событии... И должен вам сказать, что в 2013 году на юбилейные торжества в Большом зале Государственного академического русского драматического театра имени Александра Грибоедова приехали все приглашенные звезды грузинского искусства, знавшие Владимира Высоцкого и дружившие с ним: Роберт Стура, Гуранда Габуня, ее ныне покойный супруг Отар Мегвинетухцеси, Кахи Кавсадзе... А Буба Кикабидзе приехал с температурой 40 и все-таки спел «Песню о друге»...

– Спасибо за это тепло, думаю, юбилейный номер журнала и диски обретут свое достойное место в экспозиции Музея. Володя был верующим, он крестился тайно, но церковью посещал открыто, в самый глухой, «ледниковый» период советского мракобесия. Я тоже религиозный человек, и верю, что наши души встретятся, чтобы уже не разлучаться.

Никола -
Габуня
Габуня
2014 192

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	5
«ВЕСНА ЕЩЕ В НАЧАЛЕ, ЕЩЕ НЕ ЗАГУЛЯЛИ...»	8
«В ТБИЛИСИ ТАМ ВСЕ ЯСНО, ТАМ ТЕПЛО...»	13
«ВПЕРЕДИ СНОВА РАБОТА – ТРУДНАЯ, ЯРОСТНАЯ, ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ»	21
«ЗАХОДИЛИ В ГАВАНИ, СЛЕВА ЛИ, СПРАВА ЛИ...»	26
«Я ВЕРЮ В НАШУ ОБЩУЮ ЗВЕЗДУ...»	29
«ПИР ПРОДОЛЖАЕТСЯ, В ЗАЛЕ ШУМНО И ВЕСЕЛО»	36
«ЗАПЛАТЫ ПЕННЫЕ ЛАТАЮТ РАЗОРВАННЫЕ ШВЫ ПЕСКА»	42
«РЕБЯТА, ПОТОМ. Я ТОРОПЛЮСЬ»	46
МЫ ЕГО ЗАПОМНИЛИ ТАКИМ	58

რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეყნარტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მეათე საუკუნეში იღებს - უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად - „გრუზინი“, ახლა - ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით - მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ - რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისათვის.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.

Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century - Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially - "Georgians", now - Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here - disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

При финансовой поддержке
ООО «Издательство «Либрика»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ
заслуженный артист РФ

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН

«КУРА В ТУМАННОЙ ДЫМКЕ И ДАЛЕКИЙ МОНАСТЫРЬ...» ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

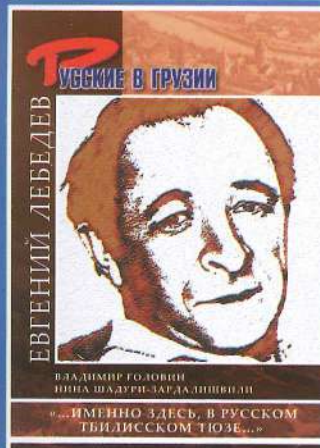
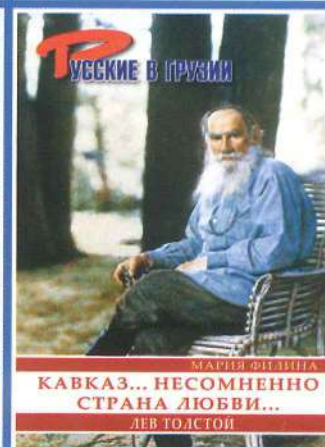
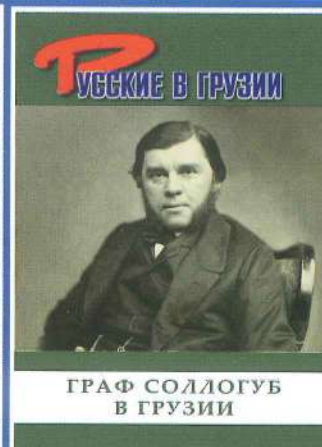
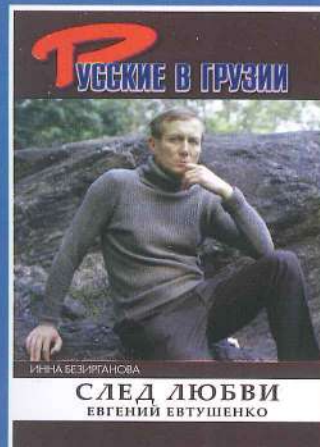
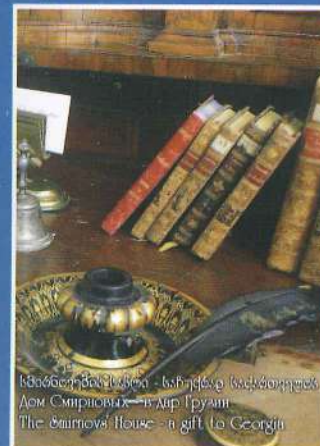
Редактор
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали
НАДЕЖДА ГОНЧАРОВА
АЛЕНА ДЕНЯГА
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ
ИМЕДА СИНАТАШВИЛИ

В книге использованы фотографии Г. Абелишвили, М. Квирикашвили,
М. Леона, Ю. Мечитова, К. Мустафиди, В. Плотникова, А. Саакова,
А. Сватикова, А. Стернина, а также из открытых источников

ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge rusculture@mail.ru